

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

Юридический институт

Кафедра «Предпринимательское, конкурентное и экологическое право»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой ПКиЭП

_____ В.В. Кванина

_____ 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК С АКЦИЯМИ И ДОЛЯМИ

ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

ЮУрГУ – 40.03.01. 2015. Ю-432

Научный руководитель
выпускной квалификационной
работы

Пушкарев Игорь Петрович

канд. юрид. наук, доцент

_____ 2019 г.

Автор выпускной

квалификационной работы

Аксенов Сергей Викторович

_____ 2019 г.

Нормоконтролер

Спиридонова Алена Вячеславовна

канд. юрид. наук, доцент

_____ 2019 г.

Челябинск 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА СДЕЛОК С АКЦИЯМИ И ДОЛЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
1.1 Правовой режим сделок: понятие, содержание, генезис.....	6
1.2 Правовая природа акций и долей хозяйственных обществ.....	18
ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК С АКЦИЯМИ И ДОЛЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
2.1 Правовое регулирование движения корпоративных прав при совершении сделок с акциями и долями хозяйственных обществ.....	31
2.2 Договор купли-продажи как основная сделка в обороте акций и долей хозяйственных обществ.....	44
ГЛАВА 3 СТРУКТУРИРОВАНИЕ СДЕЛОК С АКЦИЯМИ И ДОЛЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АСПЕКТ ПРЕВЕНТИВНОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ КОНТРАГЕНТОВ	
3.1 Специфика совершения сделок с акциями и долями хозяйственных обществ посредством заключения предварительного договора.....	57
3.2 Структурирование сделок с акциями и долями посредством использования опционных конструкций	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	85
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	91

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 1991 года Россия находится на пути развития капиталистических отношений, в которых доминирующее положение занимают различные субъекты предпринимательства. Стремление к формированию цивилизованного рынка на территории любого постсоветского государства осложняется рядом проблем, носящих характер, как экономической, так и правовой направленности. Правовой нигилизм, подкрепляемый отсутствием исторически сложившихся обычаев делового оборота, как неотъемлемого источника гражданского и корпоративного права, для современного российского частного права являются камнем преткновения в векторе динамизма и усложнения правоотношений внутри хозяйственных обществ. Современный гражданский и коммерческий оборот в российских правовых реалиях опосредован использованием различных договорных конструкций, которые зачастую являются результатом заимствования особенностей, а иногда и конкретных норм из западноевропейских правопорядков. Заданный вектор на заимствование и адаптацию абсолютно новых правовых явлений в гражданское и корпоративное законодательство современной России, также привносит и ряд колоссальных изменений на доктринальный уровень, что в итоге порождает свежий взгляд на те, или иные позиции ученых-юристов, которые уже стали «непоколебимой» парадигмой.

Однако российский законодатель не стоит на месте. Глобальная реформа гражданского законодательства, проводимая на протяжении последних десяти лет, в данный момент прямо воздействует на поступательное изменение правового регулирования корпоративных отношений. Появление новелл, связанных с изменением правил совершения сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах, свидетельствует о выборе курса на реализацию западноевропейской модели регулирования данной сферы общественных отношений. Безусловно, творить и

реализовывать право в переходный период задача не из легких, однако корпоративная практика достаточно быстро адаптируется к новым порядкам, которые зачастую уже применялись в обороте, несмотря на отсутствие их легального закрепления. Принцип свободы договора, как фундаментальное начало частного права породил ряд прогрессивных явлений. Например, использование различных вариаций правовых конструкций при структурировании сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах, которые так или иначе выступили в качестве катализатора правовых новшеств, также способствовали появлению абсолютно новых незаурядных доктринальных воззрений на проблемы современного оборота акций и долей участия в ООО.

В настоящем исследовании обозначены позиции широкого круга ученых-юристов, начиная от общеправовых теоретических концепций, которые уже стали фундаментом и таким постулатом российской юридической парадигмы, вплоть до взгляда относительно молодых представителей науки, акцентирующих внимание на принципиально новом уровне теоретико-практического знания. Так, в частности, проблемам совершения сделок с акциями и долями в уставном капитале ООО, а также особенностям правового режима сделок по отчуждению объектов, закрепляющих корпоративные права, огромное внимание уделяется в трудах таких ученых-юристов, как: С.С. Алексеев, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Е.В. Глухов, Ю.П. Егоров, М.Н. Илюшина, М.С. Имадаева, А.Г. Карапетов, Д.В. Лоренс, П.А. Меньшин, В.С. Нерсисянц, Л.А. Новоселова, О.Р. Зайцев, Е.А. Суханов, Г.Ф. Шершеневич, И.С. Шиткина и др.

Актуальность данного исследования заключается в практической проблематике структурирования сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ, которая выражается откровенно низким качеством правового регулирования движения корпоративных прав при совершении подобных сделок. Исходя из этого, некоторые теоретические воззрения потеряли

актуальность на фоне появления новых договорных конструкций, которые требуют не только общей адаптации законодательства и правоприменительной практики, но и меняют подход к определению вектора правового режима сделок с акциями и долями участия в ООО. Однако современная корпоративная практика по вопросу структурирования сделок выработала ряд интересных, абсолютно прогрессивных решений, которые только в последние годы начинают обретать свое теоретическое обоснование. Структурирование сделок с акциями и долями участия в ООО в виду развития коммерческих и корпоративных отношений современной России только сейчас начинает обретать подлинно цивилизованную правовую направленность, что в итоге, конечно, отразится на появлении ряда практических проблем, решение которых необходимо искать в определении природы и сущности частноправовых отношений, корпоративного характера.

Основная цель выпускной квалификационной работы состоит в том, чтобы на основе теоретических воззрений на проблематику правового регулирования совершения сделок с акциями и долями участия в ООО, а равно также на основе анализа особенностей российской правоприменительной практики по вопросу разрешения внутрикорпоративных конфликтов, возникающих вследствие совершения сделок с объектами, закрепляющими корпоративные права, определить основную тенденцию совершенствования законодательства в рамках как стабилизации российского коммерческого оборота, так и стимулирования добросовестности субъектов права, при совершении подобных сделок.

Реализация данной цели предполагает решение следующих задач:

- определение роли дифференциации частного права в векторе коммерческого и классического гражданско-правового оборота
- исследование теоретических воззрений на особенности правовой природы акций и долей участия в ООО
- раскрытие проблемы движения корпоративных прав при совершении сделок с акциями и долями участия в ООО

— анализ отдельных правовых конструкций договоров по приобретению (отчуждению) акций и долей участия в ООО в свете реализации превентивного механизма защиты интересов сторон сделки

Объектом исследования в выпускной квалификационной работе являются правовые отношения в сфере структурирования сделок с акциями и долями хозяйственных обществ РФ в векторе проблематики защиты прав и законных интересов контрагентов.

Предмет исследования — нормативная правовая база и правоприменительная практика по вопросу совершения сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ.

При проведении настоящего исследования автор работы руководствовался частными научными методами исследования, такими как историко-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический, которые в совокупности являются ее методологической основой.

В процессе проведенного в выпускной квалификационной работе исследования выявлен спектр теоретико-практических проблем, которые требуют разрешения как на легальном, так и на доктринальном уровне. Также автор исследования обозначает некоторые практические аспекты совершения сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ, которые в векторе исследования обретают особую специфику правового режима, характеризующее данное правовое явление как уникальное, что в итоге обуславливает необходимость корректировки его правового регулирования

ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА СДЕЛОК С АКЦИЯМИ И ДОЛЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1.1 Правовой режим сделок: понятие, содержание, генезис

Правовой режим сделок — данное словосочетание включает в себя сразу два правовых явления, которые существуют независимо друг от друга. Можно ли использовать категорию правовой режим применительно к сделкам? Для ответа на поставленный вопрос необходимо сформировать объективное представление о современном понимании такой доктринальной категории как правовой режим в рамках общей теории права.

Правовой режим является понятием, которое носит многоаспектный характер, прежде всего, необходимо обратить внимание на отраслевую и общетеоретическую сущность правового режима. С точки зрения С.С. Алексеева, правовой режим не что иное, как порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и ограничений, создающих особую направленность регулирования¹. Понятие правового режима тесно коррелирует с методом правового регулирования, однако данные правовые явления далеко не тождественны. В отличие от правового режима метод правового регулирования характеризуется нормативистской направленностью, то есть метод выступает в качестве обобщающего явления, который формирует конкретные приемы, способы и средства воздействия на общественные отношения. В сравнении с методом правового регулирования правовой режим не имеет такого уровня конкретизации, особенно в общетеоретическом понимании, однако с уверенностью можно утверждать, что категория правовой режим не является эфемерной. По мнению В.Б. Исакова, правовой режим имеет главную отличительную черту от иных правовых явлений — это социально-юридический характер. Его объединяет

---

¹ Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 335.

два противоречивых и в то же время тесно связанных элемента — социальное содержание и правовая форма¹. Данное понимание правового режима также присуще и С.С. Алексееву, который тезис, согласно которому: правовой режим позволяет видеть глубокое социальное содержание права и решать социальные задачи в неразрывной связи с содержанием регулируемых отношений, причем нередко применительно к определенному субъекту². С другой же стороны, правовой режим можно рассматривать в качестве особого вида регулирования общественных отношений, присущих конкретной отрасли права — утверждает Ю.А. Тихомиров³. И действительно, последний тезис крайне прост для понимания. Используя совокупность уникальных отраслевых и общеправовых унифицированных приемов, получаем желаемый правопорядок в конкретной группе общественных отношений. Очевидно, представители теории отраслевой сущности правового режима убеждены, что состояние статичности общественных отношений в качестве сформировавшегося правопорядка — есть правовой режим, как результат фактической реализации механизма правового регулирования. А как же быть с отношениями динамики в особенности, если речь заходит о частном праве? Категория «правовой режим», по мнению С.С. Алексеева применима не ко всем структурным элементам механизма правового регулирования. Правовой режим имеет непосредственное прямое отношение именно к реализации права, а точнее, к моменту возникновения субъективного права. Данный тезис является фундаментальной основой позиции, утверждающей, что правовой режим — это симбиоз отношений статичности и динамики не в качестве результата правового регулирования, а в качестве вектора реализации права. Итак, правовой режим — это в любом случае, создаваемый с помощью правового регулирования порядок, который

---

¹ Исаков В.Б. Правовые режимы и их совершенствование, развитие теории права. Межвузовский сборник научных трудов ин-т, 1982. С. 35.

² Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права. М.: Юрид. лит., 1987. С. 227.

³ Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М.: Юринформцентр, 2005. С. 401.

с помощью различных юридических средств формирует социальное состояние субъектов правового регулирования в процессе реализации права.

Можно ли применять категорию правовой режим к сделкам? Однозначно да. Из выше представленных тезисов становится очевидно, что правовой режим отражает ту социально-юридическую реальность в момент реализации права конкретным субъектом общественных отношений. В свою очередь в ст. 153 ГК РФ законодатель закрепляет легальное определение понятия «сделка», понимая под ним действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей¹. Следовательно, действия граждан и юридических лиц — есть реализация права, а значит категория «правовой режим» применима к сделкам. По мнению Ю.П. Егорова, правовой режим сделок является единым правовым явлением, включающим в себя нормативные требования и опосредующей определенный участок социального активного поведения субъектов права². В итоге правовой режим сделок — это социально-юридический порядок, который формируется из совокупности дозволений, запретов и позитивных обязываний, в результате образующих такое фактическое состояние субъективных прав и обязанностей, на создание которого и направлен механизм правового регулирования. Но не стоит забывать и об аспекте динамики, который присущ частному праву. То есть, так называемый порядок, исходя из фундаментальный принципов частного права, формируется ежедневно, ежечасно в различных вариациях. Свобода договора, диспозитивность и юридическое равенство субъектов — это и есть облик правового режима, его внешнее проявление, как режима благоприятствования инициативе в реализации субъективных прав не только по тем юридическим конструкциям, которые закреплены в законе, но и по смешанным конструкциям, а иногда и по принципиально новым.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Егоров Ю.П. Правовой режим сделок как средство индивидуального регулирования // Цивилистическая практика. 2007. № 4 С. 124-125.

Автор данного исследования предлагает обозначить правовой режим сделок иначе. В схожем понимании с ранее представленными позициями ученых юристов объективно существует необходимость в конкретизации понятия «правовой режим сделок». Понятие «правовой режим» является общеправовой категорией, а «сделка» сугубо частноправовое явление. Любая сделка в независимости от правовой природы в своей сущности характеризуется волеизъявлением субъекта правоотношения. В свою очередь сделка — это такое волеизъявление субъекта, которое совершается с целью создать, изменить или прекратить права и обязанности субъекта, изъявившего волю по отношению к третьим лицам. Итак, волеизъявление и цель — фундаментальная основа сделки. Е.А. Суханов под волей в контексте сделок понимает детерминированное и мотивированное желание лица достичь поставленной цели, а под волеизъявлением — выражение воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию других лиц, то есть теперь воля носит объективированный характер¹.

Обозначив доктринальное определение понятия «волеизъявление», необходимо обратить особое внимание именно на второй составляющий элемент сделки — цель. С первого взгляда цель может не иметь такого глобального значения, ведь очевидно, что субъекты в момент осуществления правореализующих действий желают наступления тех правовых последствий, которые ожидаемы для нормального гражданского оборота, присуще конкретному объекту. Но тут же возникает следующий вопрос, сущности цели. Ведь один субъект может совершить сделку с намерением дальнейшего личного использования, потребления объекта гражданского оборота, полученного в результате сделки, а другой субъект желает извлечь прибыль путем дальнейшей реализации объекта в рамках коммерческого оборота. Автор исследования, рассуждая о сущности цели сделки, намеренно использует такие понятия как гражданский оборот и коммерческий оборот, тем самым обозначая это такое противопоставление двух правовых явлений.

---

¹ Суханов Е.А. Российское гражданское право. Том I. М.: Статут, 2016. С. 153.

Возвращаясь к процессу формулирования понятия «правовой режим сделок» в русле конкретизации правового явления, становится очевидно, что цель предопределяет не только характер сделки, но и правовой режим. Другими словами, правовой режим сделок в коммерческом обороте значительно отличается от классических сделок в гражданском обороте. Для обоснования и защиты данного тезиса необходимо обратиться не просто к понятию «коммерческий оборот», а к генезису сделок в рамках коммерческого оборота.

В Средние века на территории западной Европы в большинстве государств был выработан специальный критерий для идентификации сделки в качестве торговой (коммерческой) — это субъективный критерий, который подразумевал, что сделки, в которых участвуют по обе стороны купцы, признаются торговыми. Но в этой субъективной системе были заложены основы перехода к системе объективной. Итальянская правовая доктрина выработала положение, в силу которого каждый совершавший торговые операции признавался купцом. Таким образом, постепенно принадлежность к корпорации как критерий торгового характера сделки, заменялась анализом характера самой сделки¹.

Генезис правового режима сделок отечественного коммерческого оборота необходимо рассматривать с точки зрения теории и практики в качестве единого целого. Это связано с тем, что Россия на протяжении всей своей истории официально так и не восприняла модель дуалистического частного права, следовательно, генезис коммерческого оборота с практической точки зрения необходимо рассматривать на примере зарубежных правопорядков, которые оказали влияние на формирование хоть и не признанного на легальном уровне, но фактически существовавшего коммерческого оборота Российской империи. Однако данное утверждение не касается теоретических воззрений, которые так или иначе были достоверно

---

¹ Илюшина М.Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное: дис. ... док. юрид. наук. Москва, 2012. С. 233.

восприняты представителями дореволюционной российской цивилистики, сохраняя сущность и общий дух дуалистической модели частного права зарубежных стран.

Не принимая дуалистическую модель частного права, которая подразумевает деление частного права на гражданское и торговое, Российская империя удивительным образом смогла фактически реализовать дифференцированную модель частного права во вполне существующий правовой режим сделок как в гражданском, так и в торговом (коммерческом) обороте, причем сохраняя доктринальное разделение. Однако юридического закрепления такого порядка в материальном праве не существовало. Дореволюционное торговое законодательство России находилось под прямым влиянием Французского торгового кодекса 1808 г.¹ Российский «Устав судопроизводства торгового» в точно таком же виде, как и во Французском торговом кодексе 1808 г. закрепляет подсудность торговых дел коммерческим судам, также попутно устанавливая, что торговые дела — это споры, возникающие из сделок, заключаемых с целью перепродажи, включая также покупки (сделки), совершенные со спекулятивной целью, имеющих в виду извлечение прибыли². Российские ученые цивилисты, обобщая торговые операции, исходя из норм процессуального права Российской империи и норм материального торгового права Франции, выделяли несколько общих признаков торговых сделок. Первую наиболее полную классификацию торговых сделок сформировал Г.Ф. Шершеневич. Итак, торговая сделка в период Российской империи на доктринальном уровне характеризовалась оборотом товаров, покупка которых осуществлялась с целью перепродажи. Также Г.Ф. Шершеневич, анализируя западное законодательство, утверждал о наличии необходимости различать субъективный и объективный критерии при определении торговых сделок.

---

¹ Булатецкий Ю.Е. Коммерческое право: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 21.

² Илюшина М.Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное. С. 244.

«Объективно-торговые — те сделки, которые являются таковыми в силу закона, вне зависимости от иных критериев. В свою очередь, субъективно-торговые — те сделки, которым закон придает торговый характер только тогда, когда они совершаются лицами, занимающиеся торговой деятельностью в качестве профессиональной (субъекты предпринимательской деятельности в современном понимании)»¹. Делая акцент на прямом указании закона или субъектном составе, осуществляющим предпринимательскую деятельность, к сожалению, Г.Ф. Шершеневич уже не застал момент, когда западная законодательная и правоприменительная практика сформировали принципиально новый критерий относимости сделки к торговой. Речь идет о критерии сущности сделки, в которой объектом, так называемого коммерческого оборота выступают уникальные объекты, которые по своей природе не могут быть интегрированы в классический гражданский оборот, причем такие объекты формируются именно исходя из цели самой сделки. К таким объектам можно отнести право управления исполнительным органом акционерного общества. Например, Закон об акционерных обществах Германии от 6 сентября 1965 г. отдельно выделяет такой предпринимательский договор, как договор подчинения, где одно акционерное общество на определенных условиях подчиняет руководство своего общества другому предприятию, тем самым образуя концерн².

Рассматривая генезис коммерческого оборота, как в зарубежных правовых порядках, так и в России, нельзя не обратить внимание на специфическое понимание сделок в коммерческом обороте в рамках современного международного частного права. Если обратиться к принципам УНИДРУА в рамках автономной негосударственной системы права *lex mercatoria* (мягкое право), то под коммерческими сделками понимается некая единая концепция «коммерческие договоры», которая включает в себя не

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Том 2. Товар. Торговые сделки. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 101.

² Бергманн В. Закон об акционерных обществах Германии Параллельные русский и немецкие тексты. *Aktiengesetz. Paralleler russischer und deutscher text*. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 51.

только предпринимательские сделки на поставку и обмен товарами или услугами, но также и другие типы экономических сделок в самом широком понимании, включая инвестиционные, концессионные соглашения и т.д.¹. Абстрактность категории «коммерческие договоры» в векторе принципов УНИДРУА объясняется либеральной сущностью и так называемой гибкостью *lex mercatoria*, что в полной мере отражает объективное преобладание диспозитивности в качестве фундаментального начала всего частного права.

Из ранее проведенного краткого анализа генезиса сделок коммерческого характера можно сделать вывод, что несмотря на отказ от восприятия современной Россией дуалистической модели частного права и уже фактически оформившегося торжества единой монистической модели гражданского и торгового (коммерческого) права, так или иначе коммерческий оборот в РФ де-факто существует. С помощью анализа генезиса коммерческих сделок можно сформировать универсальную комбинацию критериев идентификации коммерческих сделок из совокупности классических гражданско-правовых, на основе выделения наиболее существенных особенностей, которые легли в историю становления современного коммерческого оборота как в России, так и в западных правовых порядках. Комбинация критериев, по мнению автора исследования достаточно проста. Первым критерием является субъектный состав — если при совершении сделки участвуют только субъекты предпринимательства, то это первое основание отнесение ее к коммерческой. Однако стоит с осторожностью использовать данный критерий из-за усложнения сущности правоотношений, когда субъект предпринимательства может приобрести тот или иной объект гражданского оборота с целью личного использования, не входящего в предмет его предпринимательской деятельности. Во-вторых, в качестве более прогрессивного явления необходимо обозначить критерий

---

¹ Berger K.P. The Creeping Codification of the Lex Mercatoria. Alphen aan den Rijn. Kluwer Law International, 2010. С. 233.

сущности (содержания) сделки в рамках концепции «коммерческого договора» закрепленного в принципах УНИДРУА, который исходит из сути операции, направленных на получение потенциальной прибыли, дивидендов, или иного положительного результата для «бенефициаров». Третий критерий — это особый объект коммерческого оборота. На примере Германского законодательства видно, что такой объект, как предоставление права управления исполнительным органом акционерного общества является уникальным и присущ только коммерческому обороту. Очевидно, что представленная комбинация критериев полностью дублирует структурные элементы правоотношения в рамках общей теории права. Краткий анализ генезиса коммерческих сделок показал, что на протяжении всей истории развития данного правового явления так или иначе критерии торгового (коммерческого) характера сделок формировались именно исходя из особенностей каждого структурного элемента правоотношений, причем, верхом так называемой эволюции идентификации коммерческих сделок в рамках дифференцированного подхода к частному праву является, конечно же, *lex mercatoria*. То есть, вывод прост — содержание правоотношения предопределяет сущность сделки. Л.А. Морозова под содержанием правоотношения понимает совокупность субъективных прав и юридических обязанностей, отмечая при этом, что содержание правоотношения носит как юридический, так и фактический характер. Юридическое содержание — это возможность совершения определенных действий управомоченным лицом и исполнение запретов, установленных нормой права. А фактическое содержание — это реальные действия по осуществлению субъективных прав и исполнению юридических обязанностей¹. Теперь необходимо вернуться к понятию «правовой режим». Можно ли сказать, что правовой режим и фактическое содержание правоотношения являются тождественными понятиями? Однозначно нет. Как отмечает В.С. Нерсисянц, правовой режим

---

¹ Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. 6-е издание. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 273.

— это правила, требования, предъявляемые к явлению, но не образующие его¹. Следовательно, фактическое содержание правоотношения образует правовую реальность явления, то есть те или иные последствия при реализации субъективного права. А правовой режим раскрывает особенности правового регулирования в рамках реализации права, которые присущи конкретному субъекту, объекту и содержанию правоотношения.

Итак, правовой режим сделок — это порядок регулирования отношений, возникающих при волеизъявлении субъектов права с целью, формирующей направленность содержания правоотношения. Автор работы, давая емкое четкое определение понятию «правовой режим сделок» акцентирует внимание на воле и цели, присущих любой сделке, которые строго сопрягаются со структурными элементами правоотношения. Причем ранее обозначенный тезис — структурные элементы правоотношения тождественны комбинации критериев идентификации сделок в качестве коммерческих либо классических гражданско-правовых сделок, теперь обретает ключевой смысл. Содержание правоотношения занимает центральное место при определении сделки в качестве коммерческой. Сквозь фактическую реализацию права у сторон (стороны) появляется определенная совокупность прав и обязанностей, которые урегулированы как в рамках консенсуальных действий (договора), так и с помощью императивных норм права. Выходит, сущность сделки формируется именно в содержании правоотношения, ведь преобладание общедозволительного типа правового регулирования, верховенство диспозитивности и свободы договора в частном праве как раз позволяют посредством волеизъявления оформить цель участия субъектов права в сделках. Однако нельзя забывать, что по так называемым флангам правоотношения, где центральное место занимает содержание, остаются субъект и объект.

То, что касается субъекта правоотношений в качестве критерия идентификации сделки как коммерческой или гражданско-правовой,

---

¹ Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2005. С. 321.

очевидно, что даже исходя из анализа генезиса сделок в коммерческом обороте, можно уверенно утверждать, данный критерий является факультативным. Безусловно, в истории формирования западного торгового правопорядка данный критерий был первым и единственным на протяжении долгого времени¹. Однако современные коммерческие отношения значительно усложнились, и теперь, если субъект осуществляет предпринимательскую (торговую) деятельность — это не значит, что он, совершая конкретную сделку, обязательно намерен извлечь прибыль. Ярким примером может послужить ситуация, когда субъект предпринимательской деятельности приобретает у такого же, как он предпринимателя, товары, необходимые для обеспечения его деятельности в качестве организации или гражданина-предпринимателя (оргтехники, офисной мебели и т.д.). В п.5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.10.1997 №18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса РФ о договоре поставки» по общему правилу под целями, не связанными с личным использованием, следует понимать, в том числе приобретение покупателем товаров для обеспечения его деятельности в качестве организации, однако, в случае, если указанные товары приобретаются у продавца, осуществляющего предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, отношения сторон регулируются не нормами о поставке, а нормами о розничной купле-продаже². Тем самым становится, очевидно, что содержание правоотношения кардинально меняется при условии наличия абсолютно одинаковых субъектов и объектов этого же правоотношения, а катализатором изменения выступает цель заключения сделки. Данный пример четко иллюстрирует, как цель сделки меняет содержание правоотношения. Государство в лице Высшего Арбитражного Суда РФ выработало правовую позицию, которая

---

¹ Илюшина М.Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное. С. 187.

² Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» от 22 октября 1997 г. № 18 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 3.

исходя из представленного казуса, изменила правовой режим сделок, посчитав критерий субъекта не ключевым для определения коммерческого характера сделки. В итоге цель реально формирует содержание правоотношения в сделках, а правовой режим, посредством дозволений, запретов и позитивных обязываний, устанавливаемых государством в целях создания баланса интересов в обществе, задает направленность правового регулирования с определенными особенностями.

Но не стоит забывать и об объекте, который является неотъемлемым элементом правоотношения. Конкретизируя специфику правовых режимов применительно к сфере гражданско-правовых отношений, Е.А. Суханов утверждает следующее: «смысл объектов гражданских правоотношений (объектов гражданских прав) заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима, т.е. возможности или невозможности совершения с ними определенных действий (сделок), влекущих известный юридический результат, другими словами, правовой режим определяет поведение участников правоотношений, касающееся соответствующих материальных и нематериальных благ»¹. Следовательно, в отличие от критерия субъекта, критерий объекта не всегда формален, ведь существуют такие объекты, например, акции и доли участия в ООО, которые являясь объектами как коммерческого, так и гражданского оборота, обладают некой спецификой, которая выражается в отсутствии потребительского характера их обороспособности.

Итак, в зависимости от субъекта, объекта и содержания правоотношения сделки подразделяются на сделки классического гражданского оборота, где целью (содержанием) является переход гражданских прав, не связанных с получением систематической прибыли и сделки коммерческого оборота, где цель непосредственно сопряжена с предпринимательской деятельностью. Два оборота и отождествляют два правоотношения, направляемых двумя правовыми режимами, хоть и

---

¹ Суханов Е.А. Российское гражданское право. Том I. С. 401.

зависимых друг от друга, но все-таки разнородных по своей правовой природе. Содержание правоотношения, занимающее центральное место в критериях идентификации сделок коммерческого оборота, безусловно, является фундаментальным критерием, но помимо его, необходимо акцентировать внимание на таком критерии, как объект правоотношения в рамках сделок коммерческого оборота. Трудно отрицать, что в российской гражданско-правовой доктрине сформировалось стойкое убеждение в отсутствии необходимости дифференциации оборота в рамках монистической концепции гражданского права. Однако для детального определения и изучения правовой природы акций и долей участия в ООО, в качестве предмета сделок, обладающего уникальными свойствами и определенной спецификой, в дальнейшем необходимо исходить именно из дуалистической гражданско-правовой модели, с последующим выявлением особенностей правового режима оборотоспособности данных объектов. Представленный подход позволит создать теоретическую основу для аргументации позиции о несостоятельности некоторых аспектов правового регулирования сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах, присущих современному российскому правопорядку.

1.2 Правовая природа акций и долей хозяйственных обществ

В данный момент в российской правовой доктрине существует дискуссия, касаемо определения правовой природы акций и долей в уставном капитале общества. И действительно, как отмечает Л.А. Новоселова: «парадоксальность современного российского оборота не может не удивлять предметом сделок, причем сделок каждодневных, являются объекты, правовая природа которых окончательно не определена, а теоретические воззрения относительно сущности не сформированы. И одним из таких объектов является доля в уставном капитале общества с ограниченной

ответственностью»¹. Что такое доля в уставном капитале ООО? В доктрине существует множество мнений по этому вопросу. Например, С. Шевченко убежден, что доля является комплексом имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника общества по отношению к другим участникам и самому обществу². Однако не стоит забывать, что по своему характеру предпринимательская деятельность непосредственно сопряжена с риском, а значит имущественные права, предусмотренные долей участия в ООО, по крайней мере, в некоторой части встают в прямую зависимость от степени предпринимательского риска. Данный тезис был обозначен М.С. Имадаевой, которая приходит к выводу, что доля в уставном капитале ООО — это основание возникновения правового статуса участника, которое при наличии особого юридического состава приводит к реализации заложенных в нем правовых способностей³. Другими словами, доля участия гарантирует только возможность реализации потенциальных (абстрактных) субъективных прав, поставленных в зависимость от появления каких-либо юридических фактов, влияющих на деятельность общества. С.А. Бобков убежден, что доля в ООО является классическим имуществом, однако с другой стороны Е.В. Кортенова относит долю в уставном капитале к правам требования участника к обществу⁴.

Правовая природа доли в уставном капитале характеризуется тем, что после внесения имущества в уставный капитал общества, то есть при фактической передаче прав на это имущество юридическому лицу, участник общества утрачивает абсолютное право на него. Однако участник общества, утрачивая право собственности, например, на денежные средства, внося их в

---

¹ Новоселова Л.А. Преимущественное право покупки доли в обществе с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2010. № 12. С. 3-15.

² Шевченко С. Переход долей общества с ограниченной ответственностью // Законность. 2004. № 10. С. 11-13.

³ Имадаева М.С. Юридическая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Юридическая Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru> (дата обращения 10.02.2019).

⁴ Бобков С.А. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. 2002. № 7. С. 22.

уставный капитал общества, приобретает корпоративные права, осуществляемые через механизм управления обществом, исходя из соизмеримости размера своей доли в уставном капитале с другими участниками общества. То есть происходит этакая конвертация прав из классических имущественных в корпоративные.

Акции и доли в уставном капитале ООО являются уникальным объектом как гражданского, так и коммерческого оборота. Если проводить анализ гражданско-правовых сделок с акциями и долями в ООО, то необходимо акцентировать внимание в первую очередь именно на таких сделках, как дарение и завешание. Данные сделки присуще только гражданско-правовому обороту, коммерческой сущности в них попросту нет, следовательно, цель совершения сделки не носит предпринимательский характер. Например, сущность завешания как односторонней сделки очевидна, содержание такого правоотношения формируется целью распоряжения имуществом на случай смерти и никаких иных целей здесь быть не может, следовательно, — это гражданско-правовой оборот. В свою очередь дарение подразумевает безвозмездное отчуждение объекта, цели которого не могут носить добросовестный предпринимательский характер, что тоже в итоге выступает критерием идентификации оборота в качестве классического гражданско-правового. А как же быть с иными договорными конструкциями? Ведь приобретение акций или долей в уставном капитале общества с помощью конструкции договора купли-продажи зиждется на конкретной цели — извлечение потенциальной прибыли для приобретателя актива. Приобретая акции или доли в ООО, лицо формирует содержание сделки, исходя из инвестиционной направленности своей деятельности, где целью в любом случае является извлечение потенциальной прибыли. То есть субъектом данных правоотношений может быть лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность, приобретающее по возмездной сделке акции и доли в ООО. И именно на данном этапе рассуждения возникает вопрос о правовой природе акций и долей в хозяйственных обществах.

В соответствии со ст. 66 ГК РФ объем правомочий участников общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества, если иное не предусмотрено корпоративным договором. Исходя из представленной нормы, можно сделать вывод, что лицо, приобретая долю в уставном капитале общества, приобретает правовой статус участника данного общества с определенной совокупностью правомочий. Например, норма ст.8 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) закрепляет правомочие участника ООО на принятие участия в распределении прибыли общества¹. Следовательно, хозяйственное общество, осуществляя предпринимательскую деятельность, в ходе которой, безусловно, от своего имени совершая те или иные сделки в рамках коммерческого оборота, всегда в приоритете обозначает перед собой цель — извлечение прибыли. А какова же роль участника общества, который приобрел данный статус с целью получения правомочия на участие в распределении прибыли хозяйственного общества? Является ли сделка по приобретению акций или долей в уставном капитале ООО сделкой коммерческого оборота, ведь де-юре предпринимательскую деятельность осуществляет общество от своего имени, однако прибыль от данной деятельности распределяется между участниками общества? Например, физическое лицо, приобретая долю в уставном капитале хозяйственного общества, непосредственно само не становится субъектом предпринимательства, однако получая правовой статус участника общества, лицо также непосредственно осуществляет управление делами и получает прибыль данного общества пропорционально его доли участия. Исходя из этого, физическое лицо, приобретая долю участия в обществе, так или иначе, руководствовалось целью приобретения правомочия на участие в распределении прибыли. То есть извлечение прибыли от предпринимательской деятельности хозяйственного общества в пользу

---

¹ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

приобретателя доли в уставном капитале данного общества — есть цель, которая формирует содержание сделки, однако данный критерий не может полностью характеризовать сделку как коммерческую, ведь ранее было акцентировано внимание на том, что приобрести акции или доли в уставном капитале ООО можно и в рамках наследования. Допустим, акции или доля в ООО были завещаны, то субъект права, принимая наследство по завещанию, руководствуется первоначально целью реализации воли наследодателя, а уже потом приобретением статуса участника общества, который включает в себя, в том числе и правомочие на участие в распределении прибыли. То есть первоначальная цель определяет содержание сделки, а значит, такая сделка по приобретению акций и долей в уставном капитале общества не является сделкой коммерческого оборота. Однако иные сделки с акциями и долями участия в ООО, которые по своей правовой природе характеризуются как возмездные и синаллагматические, с большей долей вероятности можно отнести к сделкам коммерческого оборота. Но при этом всегда необходимо обращать внимание именно на первоначальную цель совершения сделки, которая является фундаментальным критерием идентификации сделки в качестве коммерческой или гражданско-правовой.

Возвращаясь к классической купле-продаже акций и долей в уставном капитале хозяйственного общества, становится очевидно, что содержание сделки формируется первоначальной целью — получить правовой статус участника общества со всей совокупностью правомочий, весь спектр которых направлен, конечно же, на получение прибыли хозяйственным обществом с последующим распределением ее между участниками. То есть так или иначе правовая природа акций и долей в уставном капитале общества определяется через призму участия, которая раскрывается через совокупность правомочий участника непосредственно по отношению к обществу и другими его участникам. Норма п.2 ст. 65.1 ГК РФ гласит, что в связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают (корпоративные) членские права и обязанности в отношении созданного ими юридического

лица. Исходя из легального установления тождества между понятиями «участник корпорации» и «приобретатель (обладатель) корпоративных (членских) прав», можно сделать вывод, что акции и доли участия в ООО являются не просто имуществом, а неким функциональным символом, который обозначает количественную составляющую возможностей потенциальной реализацией прав в рамках корпоративных отношений с самим юридическим лицом и другими участниками общества. Например, Р.С. Бевзенко, подразумевает под долей ООО некое функциональное явление, на подобии абстрактного символа тех прав, которые принадлежат участнику общества. На основе этого он выдвигает идею «доли-символа», под которой понимается всего лишь процент, дробь, показывающая соотношение оплаченной лицом части уставного капитала и размера самого капитала¹.

Исходя из приведенных доктринальных воззрений, можно с уверенностью утверждать, что доля в уставном капитале ООО не что иное, как внешнее выражение и закрепление правового статуса участника общества, который устанавливает совокупность одновременно реальных и абстрактных прав и обязанностей по отношению к обществу, а также его участникам в строгой зависимости от соотношения «долей участия» (долей-символов). Абстрактность права заключается в том, что наступление имущественного права, например, на распределении прибыли общества возникает не единомоментно с приобретением акций и долей в уставном капитале ООО, а только после возникновения конкретного юридического факта — принятия обществом решения о распределении прибыли. Аналогичная ситуация складывается и при определении права на ликвидационный остаток. Норма п.8 ст. 63 ГК РФ, устанавливает, что в процессе ликвидации хозяйственного общества, оставшееся после удовлетворения кредиторов имущество юридического лица передается его

---

¹ Бевзенко Р.С. Новеллы законодательства о залоге долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сборник статей. М.: Статут, 2010. С. 147.

участникам, имеющее вещные права на это имущество или корпоративные права в отношении юридического лица и т.д. Очевидно, что право участника на ликвидационный остаток общества, носит абстрактный характер и поставлено в прямую зависимость от возникновения совокупности юридических фактов. Например, расчет по обязательствам общества с кредиторами был произведен за счет всего имущества юридического лица, что привело к невозможности реализации права участника на получение его доли из ликвидационного остатка. То есть в данном случае имущественный характер отношений поставлен в строгую зависимость не только от момента, но и от последствий наступления юридического факта. Это характеризует правовую природу акций и долей в ООО не просто как объект коммерческого оборота, а как объект корпоративных отношений в рамках коммерческого оборота, что придает определенную специфику оборотоспособности данного объекта¹.

Д.В. Лоренц отмечает, что правовая природа вклада в уставный капитал хозяйственного общества характеризуется как возмездная двухсторонняя сделка, по которой приобретатель вклада передает взамен имущество, титульным владельцем которого становится юридическое лицо². Данный тезис подкреплён правовой позицией изложенной в совместном Постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ №10/22 от 29 апреля 2010 года, которая устанавливает следующее: «при рассмотрении иска собственника об истребовании имущества, внесенного в качестве вклада в уставный (складочный) капитал хозяйственного общества (товарищества), судам следует учитывать, что получение имущества в качестве вклада в уставный (складочный) капитал является возмездным приобретением, так как в результате внесения вклада лицо приобретает права участника

---

¹ Удод Д.Д. Правовая природа доли в обществах с ограниченной ответственностью и порядок ее отчуждения в свете реформирования ГК РФ // Безопасность бизнеса. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://center-bereg.ru> (дата обращения 04.02.2019).

² Лоренц Д.В. Виндикация вклада, внесенного в уставный капитал при создании корпорации (ООО) // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 38-40.

хозяйственного общества (товарищества)»¹. Исходя из представленных доводов, объективно можно заключить, что сама доля в уставном капитале хозяйственного общества — это внешнее выражение (оформление) правового статуса участия в данном обществе, который включает в себя совокупность реальных и потенциальных имущественных прав и обязанностей в зависимости от доли участия (доли-символа). Следовательно, довод о том, что акции и доли в уставном капитале ООО — это имущество, является не столько не корректным, сколько не полным, ведь возникновение определенного спектра имущественных прав и обязанностей участника общества напрямую коррелирует с наступлением конкретных юридических фактов. То есть реальные имущественные права передаются хозяйственному обществу в обмен на совокупность реальных и потенциальных корпоративных прав и обязанностей.

Если абстрагироваться от долей в уставном капитале ООО и обратить пристальное внимание на приобретение акций по договору подписки, то применительно к данной ситуации, заявленный ранее тезис также находит свое отражение. Еще до появления правовой позиции представленной в совместном Постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ, Р.С. Бевзенко исходил из того, что акционерное законодательство дает повод утверждать следующее: «акционер приобретает акции по договору подписки в обмен на имущество, вносимое в уставный капитал. Таким образом, эта сделка является возмездной как для самого акционера, так и для общества»².

Характеризуя сделки по приобретению акций и долей в хозяйственных обществах в качестве возмездных, автор исследования определяет правовую природу акций и долей участия в ООО не через классическую гражданско-правовую модель имущества, а строго через вектор корпоративного права в рамках коммерческого оборота. Наследование по завещанию и дарение не

---

¹ Постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», от 29 апреля 2010. № 10/22 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

² Бевзенко Р.С. Истребование имущества, внесенного в уставной капитал юридического лица // Законодательство. 2004. № 12. С. 18-25.

являются возмездными сделками, что автоматически означает отсутствие процесса конвертации имущественных прав в корпоративные. Исходя из приведенных тезисов и умозаключений, очевидным становится факт того, что акции и доли в уставном капитале хозяйственного общества имеют уникальную корпоративно-правовую природу.

И.С. Шиткина отмечает, что участие в корпорации (членство) и право участия в корпорации являются хоть и схожими, но все-таки далеко не тождественными понятиями. Участие в корпорации — это правовая связь между лицом, являющимся участником корпорации, и корпорацией, выражающейся в корреспондирующих правах и обязанностях участника корпорации. В свою очередь право участия — это комплекс корпоративных прав, которыми наделяется участник корпорации в зависимости от ее организационно-правовой формы¹. Следовательно, рассуждая о правовой природе акций и долей в уставном капитале хозяйственного общества, необходимо подчеркнуть, что при совершении сделки купли-продажи, например, акций, лицо приобретает не права на имущество в уставном капитале общества, а именно право участия.

Также стоит отметить, что в соответствии с нормой ст. 65.2 ГК РФ право участия помимо совокупности имущественных реальных и потенциальных прав, также включает в себя неимущественные (организационно-управленческие) и некоторые преимущественные права². Исходя из этого, правовая природа акций и долей в уставном капитале хозяйственного общества определяется именно в векторе корпоративного права, ведь имущественный аспект является лишь составной частью всего спектра правомочий участника общества.

В итоге акции и доли в хозяйственных обществах — это функциональный символ, закрепляющий реальные и потенциальные права участия в обществе, степень реализации которых находится в зависимости от

---

¹ Шиткина И.С. Корпоративное право: учебный курс. Том 1. М.: Статут Москва, 2017. С. 322.

² Шиткина И.С. Корпоративное право: учебный курс. Том 1. С. 328.

наступления юридических фактов в векторе соотношения долей от суммарной составляющей всего уставного капитала общества. В свою очередь права участия подразделяются на реальные имущественные, абстрактно имущественные и неимущественные (организационно-управленческие). Реальные имущественные права характеризуются тем, что в не зависимости от наступления большинства юридических фактов, лицо может отчуждать акции и доли в уставном капитале ООО в любое время, однако не стоит исключать преимущественное право покупки доли участия в ООО иными участниками общества, а также невозможность отчуждения акций и долей участия в случае несостоятельности юридического лица и т.д. Несмотря на существование исключений, отчуждение доли участия зачастую в первую очередь основывается на волеизъявлении правообладателя, что делает такое имущественное право в целом реальным. В отличие от реального абстрактное имущественное право зависит первоначально не столько от волеизъявления правообладателя той же акции, сколько от наступления определенного юридического факта, который впоследствии и генерирует возникновение субъективного права участника общества, например, право акционера на получение дивидендов по акции возникает у него только после принятия акционерным обществом решения о выплате дивидендов. В свою очередь, если касаться неимущественных (организационно-управленческих) прав, то их можно характеризовать достаточно просто — это право лица участвовать в управлении делами общества, включая все иное, что сопряжено с данной деятельностью.

Что касается правовой природы акций, то изначально необходимо обозначить легальное определение данного понятия, итак, норма ст.2 Федерального закона № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. (далее — Закон о рынке ценных бумаг) подразумевает под акцией эмиссионную ценную бумагу, закрепляющую права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества,

остающегося после его ликвидации¹. В соответствии с российским законодательством акции могут выпускаться только акционерными обществами в бездокументарной форме. Уставный капитал акционерного общества складывается из номинальной стоимости акций, приобретенных акционерами². Как отмечает И.С. Шиткина: «любая акция характеризуется одновременно совокупностью признаков — это закрепление имущественных и неимущественных прав, размещение выпусками и обязательно наличие равного объема и сроков осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени приобретения ценной бумаги»³. Сравнивая акции с долями участия в ООО, можно отметить идентичность правовой природы содержания прав, закрепляемых в данных объектах: комплекс имущественных и неимущественных прав. Помимо этого, автор исследования обращает внимание на наличие все той же абстрактной сущности некоторых имущественных прав, которые напрямую сопрягаются с наступлением конкретных юридических фактов, например, решение акционерного общества о выплате дивидендов, которое содержит размер выплат, причитающихся акционеру, зависит от результата голосования общего собрания акционерного общества, следовательно, относить акцию к классическому имуществу достаточно проблематично. Акция по своей природе обладает, прежде всего, корпоративной сущностью, следовательно, к ней отчасти можно применить концепцию доли-символа, предложенную Р.С. Бевзенко. Однако не стоит злоупотреблять эфемерными категориями, акция — это ценная бумага, а значит, закрепляет комплекс имущественных и неимущественных прав. Безусловно, концепция доли-символа необходима при определении правовой природы доли в уставном капитале ООО, ведь, по сути, запись в едином государственном реестре юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) и есть только количественный символ соотношения конкретной

---

¹ Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

² Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

³ Шиткина И.С. Корпоративное право: учебный курс. Том 1. С. 403.

доли от размера всего уставного капитала. В свою очередь акция является конкретной единицей, которая в количественном соотношении со всем уставным капиталом акционерного общества определяет количество правовых возможностей ее обладателя, степень контроля в обществе. В итоге правовая природа акций крайне близка по своей сути к природе долей участия в ООО. Акция, являясь бездокументарной ценной бумагой, также де-факто представляет из себя регистрационную запись на имя ее правообладателя, следовательно, акции и доли уставном капитале ООО необходимо понимать как символическое закрепление корпоративных прав в пользу конкретного лица, тем самым упреждая аспект абстрактности некоторых имущественных прав участника корпорации

Резюмируя и обобщая промежуточные результаты исследования в рамках первой главы, объективно можно сделать ряд выводов, которые в последующем станут теоретической основой дальнейшего исследования правовых аспектов сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ. Первый вывод заключается в том, что, несмотря на объективное существование и всеобщее доктринальное признание монистической концепции гражданского права России, де-факто уже крайне трудно отрицать существование уникальных правовых режимов сделок, которые впоследствии привели к фактическому формированию как минимум трех оборотов — гражданский (классический), потребительский и коммерческий оборот. Безусловно, все три вида оборота между собой тесно связаны, однако тенденция на некое обособление, особенно в рамках развития спецификации правовых режимов, на субъективный взгляд автора исследования, становится все более очевидной. В рамках коммерческого оборота находит свое особое место и корпоративное право, которое достоверно раскрывает особенности правовой природы таких уникальных объектов как акции и доли в уставном капитале хозяйственных обществ, обладающих отличительными чертами, не характерными для простого имущества в классическом гражданско-правовом понимании. Акции и доли участия в ООО не что иное, как символ внешнего

выражения и закрепления прав участия в обществе, который помимо имущественных включает и ряд неимущественных прав, носящих уникальный корпоративный характер. Корпоративные отношения осложняются тем, что волеизъявление участника общества отражается на самом обществе, на его контрагентах по внешним сделкам и, конечно же, на других участниках общества. Исходя из этого, можно сделать второй фундаментальный вывод — корпоративные отношения в рамках коммерческого оборота акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ нуждаются в особом правовом режиме, который бы определял направленность их оборотоспособности, исходя из их корпоративной сущности. Нельзя отрицать, что современное российское законодательство активно формирует уникальную специфическую модель регулирования сделок с акциями и долями хозяйственных обществ. Однако для того, чтобы дать оценку качеству такого регулирования, необходимо провести анализ тех правовых особенностей, которые присущи современному российскому правопорядку в рамках формирования цивилизованного правового режима оборота акций и долей в уставном капитале коммерческих обществ.

ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК С АКЦИЯМИ И ДОЛЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1 Правовое регулирование движения корпоративных прав при совершении сделок с акциями и долями хозяйственных обществ

Характеризуя современное гражданское право в векторе концепции дифференциации оборотов, необходимо отметить, что акции и доли в уставном капитале ООО обладают универсальной оборотспособностью, как для классического гражданско-правового, так и для коммерческого оборота. Правовое регулирование движения корпоративных прав при совершении сделок с акциями и долями имеет некий общий характер. Законодатель посредством установления конкретных императивных норм формирует порядок отчуждения и перехода корпоративных прав в универсальной форме независимо от сущности сделки. В любом случае будь это наследование, дарение или классическая купля-продажа — движение корпоративных прав при отчуждении акций и долей участия в ООО осуществляется по общим правилам, предусмотренных императивными нормами вне зависимости от классификации оборота.

Особенности правового регулирования движения корпоративных прав, предоставляемых по доле участия в ООО, устанавливаются Законом об ООО. Законодатель закрепляет следующие нормы для совершения отчуждения или приобретения долей в уставном капитале ООО: в п. 1 ст.21 Закона об ООО устанавливается правило перехода доли или части доли в уставном капитале общества к одному или нескольким участникам данного общества либо к третьим лицам на основании сделки, в порядке правопреемства или на ином законном основании. Далее п.2 ст. 21 Закона об ООО закрепляется порядок отчуждения долей участия в обществе, по которому участник общества вправе продать или осуществить отчуждение иным образом своей доли или части доли в уставном капитале общества одному или нескольким участникам данного общества, а также третьему лицу при условии

соблюдения участником общества преимущественного права покупки, которым пользуются другие участники общества. Анализируя данную норму, необходимо обратить внимание, что законодатель выделяет особое место купли-продажи из всей совокупности сделок с долями в уставном капитале ООО, казалось бы, незначительный аспект, однако тем самым подчеркивается, что среди всего спектра сделок — именно договор купли-продажи является основным в правовом режиме сделок с долями участия в ООО. То, что касается вопроса преимущественного права покупки доли участия в обществе другими участниками, то норма п.4 ст. 21 Закона об ООО носит в большей мере диспозитивный характер и позволяет в уставе хозяйственного общества полностью исключить возможность предоставления участникам общества преимущественного права покупки, а также установить конкретную либо определяемую по специальным критериям цену покупки доли участия в ООО и т.д.. Однако в случае отсутствия подобного регулирования в уставе общества, применяются правила п.4 ст. 21 Закона об ООО, которые устанавливают правило, исходя из которого участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли или части доли участника общества по цене предложения третьему лицу», при этом в п.5 ст.21 Закона об ООО установлено, что на участника, который намерен продать свою долю или часть доли в уставном капитале общества возлагается обязанность известить в письменной форме об этом остальных участников общества и само общество путем направления через него же за свой счет нотариально удостоверенной оферты, адресованной этим лицам и содержащей указание цены и других условий продажи. Участники общества вправе воспользоваться преимущественным правом покупки доли в уставном капитале общества путем акцептирования такой оферты в течение тридцати дней с даты ее получения обществом. Однако необходимо акцентировать внимание на том, что в ходе реформирования российского корпоративного законодательства с 01.01.2016 г., оферта участника хозяйственного общества, изъявившего волю продать

свою долю обществу или иным участникам общества теперь в обязательном порядке, подлежит нотариальному удостоверению¹. То есть для того, чтобы передать право на долю в уставном капитале ООО во исполнение норм о преимущественном праве, закрепляемых в законе или уставе общества, теперь необходимо сначала составить и заверить оферту у нотариуса, а уже потом направить ее обществу². Также законодатель предусматривает, что устав ООО может закрепить процедуру получения обязательного согласия со стороны других участников общества, например, на совершение перехода доли в уставном капитале ООО наследнику участника хозяйственного общества.

Стоит отметить, что помимо диспозитивных начал, позитивных обязываний и некоторых ограничений, на легальном уровне нашли свое отражение и конкретные императивные запреты на переход корпоративных прав, предоставляемых по долям участия в ООО. Нормы Закона об ООО содержат следующие прямые запреты: «не разрешено отчуждение доли, в результате которой остается только один учредитель или этим единственным учредителем будет хозяйственное общество с одним учредителем, доля, не уплаченная в полном объеме, может быть отчуждена лишь в оплаченной части, не допускается уступка преимущественных прав приобретения доли в либо части доли в уставном капитале организации и т.д.».

Но ключевая особенность правового регулирования движения корпоративных прав заключается далеко не в запретах, а в установлении законодателем условий юридического перехода прав при совершении сделки с долями в уставном капитале ООО. Норма все той же ст. 21 Закона об ООО в п. 11 закрепляет правило, которое гласит, что сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, подлежит нотариальному удостоверению путем составления одного документа,

---

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 11.

² Кашанина Т.В. Корпоративное право. Учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. С. 72-73.

подписанного сторонами. Несоблюдение нотариальной формы влечет за собой недействительность этой сделки. Данная норма также включает ряд исключений, когда правило обязательного нотариального удостоверения сделки не применяется. Однако необходимо обратить внимание, что в соответствии с п. 12 ст. 21 Закона об ООО момент перехода корпоративных прав, предоставляемых по долям участия в ООО, определяется строго моментом внесения соответствующей записи в единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ), кроме случаев, прямо предусмотренных законом. Данное правило существует в российском корпоративном праве непродолжительное время, в 2016 году по ходу реформирования Закона об ООО новелла законодателя изменила прежний порядок момента перехода корпоративных прав. Так, до вступления в силу изменений, моментом перехода доли к приобретателю был только факт нотариального удостоверения сделки, направленной на отчуждение доли в уставном капитале общества.

Автор исследования убежден, для того чтобы дать объективную оценку данным изменениям, исходя из вектора появления законодательных новелл в части установления момента перехода прав по доли в уставном капитале ООО только после внесения регистрационной записи в ЕГРЮЛ, необходимо рассмотреть данный вопрос в плоскости современных воззрений на проблему момента возникновения и перехода прав на недвижимость. Автор работы считает, что данное сравнение корректно и имеет место быть, исходя из схожей правовой природы модели регистрационной системы как для недвижимости, так и для долей участия в ООО.

Р.С. Бевзенко отмечает, что в сфере оборота недвижимости действует важнейший принцип, именуемый принципом внесения, который может быть сформулирован следующим образом: «Права, подлежащие регистрации, возникают в момент регистрации. Перенос вещного права на недвижимость

осуществляется исключительно в силу записи¹. Ни для кого не секрет, что принцип внесения, как и вся регистрационная система направлена на упорядоченность отношений, позволяя участникам оборота свободно полагаться на запись в реестре как на достоверный акт легитимации, что, так или иначе значительно упрощает процедуру проверки наличия титула у контрагента. Применим ли в полной мере данный подход к долям в уставном капитале ООО? Очевидно, вопрос носит дискуссионный характер. Регистрационная система подразумевает создание объективного инструмента осведомления третьих лиц о наличии прав на долю в уставном капитале ООО. Тогда к чему сводится роль нотариального удостоверения сделок или иных действий лиц, направленных на совершение сделок с долями участия в обществе? Ведь получается, что совершение нотариальных действий в векторе реализации принципа внесения носит факультативный характер. Р.С. Бевзенко обращает внимание, что подобные тезисы несостоятельны по причине наличия необходимости совершенствования процедур, предшествующих внесению записи, которые бы исключали возможность внесения изменений в реестр посредством противоправных или недобросовестных действий. «Например, нотариальное удостоверение сделки с долей в ООО дало феноменальное снижение количества дел об оспаривании прав на долю — с десятков тысяч до единиц в год в течение буквально пяти лет»². Другими словами получается, что регистрация и отражение титула в реестре — есть презумпция добросовестности лица, за которым закреплен титул, однако, исходя из правовой реальности современной России, мы должны осознать, что запись в государственном реестре не должна выступать таким источником «последней и неоспоримой истины», и поэтому промежуточные процедуры удостоверения воли лица на совершения сделки, должны стабилизировать оборот.

---

¹ Бевзенко Р.С. Момент возникновения и перехода прав и модели регистрационной системы: принцип внесения vs принцип противопоставимости. [Электронный ресурс]. URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения 03.03.2019).

² Бевзенко Р.С. Юристов нужно учить праву, а не законам. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pgplaw.ru>. (дата обращения 03.03.2019).

В свете рассуждения об императивных нормах регулирования движения корпоративных прав, автор работы предлагает провести краткий обзор отдельных особенностей перехода прав при отчуждении (приобретении) акций в векторе новелл гражданского и корпоративного законодательства периода 2014-2016 года. Исходя из изменений норм, регулирующих переход корпоративных прав участников ООО, которые смело можно характеризовать как акт ужесточения правового регулирования, законодатель сформулировал и притворил в жизнь аналогичный подход и к упорядочиванию движения корпоративных прав акционеров. Дополнительные меры защиты прав акционеров заключаются в ряде изменений, внесенных в ГК РФ Федеральным законом от 02 сентября 2013 № 142-ФЗ, которые вступили в силу с 01 октября 2014 г.¹. Итак, теперь ст. 149 ГК РФ устанавливает, что ведение записей по учету прав на бездокументарные ценные бумаги осуществляется лицом (регистратором), имеющим предусмотренную законом лицензию. Законодатель в данном случае подразумевает лицензию профессионального участника рынка ценных бумаг. Данная новелла де-факто полностью упразднила право акционерных обществ на самостоятельное ведение реестров акционеров². Также стоит напомнить, что в соответствии с нормой ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг лицензия на осуществление деятельности по ведению реестра предоставляется регистратору только Банком России. Очевидно, обозначается некая параллель с принципом внесения, о котором ранее шла речь в рамках легитимации перехода права на долю участия в ООО, где законодатель создает достаточно жесткий, но в тоже время необходимый механизм движения корпоративных прав, обусловленный совершением нотариального удостоверения сделки и последующей государственной регистрацией права.

---

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ // СЗ РФ. 2013. №27. Ст. 3434.

² Афанасьева Е.Г. Корпоративное право учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: КНОРУС, 2015. С 224.

Применительно к сделкам с акциями прослеживается, в сущности, аналогичная тенденция, за исключением обязательности совершения нотариальных действий. Итак, на данный момент переход прав по ценным бумагам, включая акции, осуществляются по правилам, предусмотренными нормой п. 2 ст. 149.2 ГК РФ, согласно которой права по бездокументарной ценной бумаге переходят к приобретателю с момента внесения регистратором соответствующей записи по счету приобретателя. Безусловно, регистратор является юридическим лицом, а не государственным органом. Однако начиная с 2014 г. акционерные общества с числом менее 50 участников не могут самостоятельно вести деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг¹. Тем самым роль Банка России в части формирования «политики» оборота акций, теперь носит абсолютный характер, легальных вариантов обойти общую систему регистрации — нет. Однако не стоит утверждать, что деятельность регистратора даже на горизонте гиперболизации роли Центрального банка РФ в рамках оборота ценных бумаг образует тождество с принципом внесения. Необходимо учитывать, что в соответствии с нормой п. 1 ст. 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08 августа 2001 № 129-ФЗ (далее — Закон о государственной регистрации): ЕГРЮЛ содержит сведения об учредителях (участниках) юридического лица, в отношении акционерных обществ также информацию о держателях реестров их акционеров, а в отношении обществ с ограниченной ответственностью — сведения о размерах и номинальной стоимости долей в уставном капитале общества, принадлежащих обществу и его участникам и т.д.² Исходя из этого, формируется вывод о радикальном

---

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 22 декабря 2014 г. № 432-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7543.

² Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

отличии информационной составляющей сведений ЕГРЮЛ между ООО и АО. В результате государственный реестр раскрывает информацию об участниках ООО, включая содержание права на конкретную долю в уставном капитале общества, однако аналогичная информация, касаемо участников акционерных обществ, разумеется, является конфиденциальной. Норма п. 1 ст. 8.6 Закона о рынке ценных бумаг закрепляет, что держатели реестра и депозитарии обязаны обеспечить конфиденциальность информации о лице, которому открыт лицевой счет, а также информации о таком счете, включая операции по нему. Однако стоит учесть, что закон, устанавливая общее правило предоставления данных сведений только лицу, которому открыт лицевой счет или его представителю, допускает важное исключение, которое позволяет получить конфиденциальную информацию из реестра владельцев ценных бумаг в случаях, установленных Банком России, которые в большинстве своем, конечно же, сопрягаются с публичным интересом¹.

В итоге суть принципа внесения, применительно к переходу прав по бездокументарным ценным бумагам утрачивается в части так называемого открытия информации о наличии права у конкретного лица. Другими словами, проверить контрагента по сделке с акциями на предмет того, является ли он собственником — становится проблематично, но тут, же возникает вопрос необходимости данной проверки, ведь совершить сделку с не собственником акций, по сведениям реестра владельцев ценных бумаг невозможно, учитывая, что достоверность реестра презюмируется. В любом случае, совершая сделку по приобретению акций в конструкции классической купли-продажи, момент перехода прав по бездокументарным ценным бумагам в пользу покупателя определяется моментом внесения новой записи в реестр, следовательно, вопрос легитимации перехода права

---

¹ Письмо Банка России «О разъяснении вопросов, касающихся предоставления информации держателем реестра владельцев ценных бумаг и депозитариями ценных бумаг» от 29 мая 2014 г. № 015-55-4/4158 // Вестник Банка России. 2014. № 5.

сводится сугубо к добросовестности держателя реестра¹. Применяется ли принцип внесения к акциям? Скорее да, чем нет, если, конечно же, отталкиваться от концепции приобретения прав на бездокументарную ценную бумагу по принципу: есть запись в «частном» реестре — есть право.

Но далеко не все так однозначно. Принцип внесения, безусловно, прост и удобен для сторон сделки, однако если содержание сделки заключается в передаче пакета акций, то отказ от альтернативного принципа противопоставимости создает опасный прецедент и этакий «карт-бланш» для недобросовестного контрагента. Например, О.Р. Зайцев обозначил следующий тезис: «показательным примером того, к каким несправедливым результатам приводит гиперболизация принципа внесения, может послужить казус, где продавец и покупатель договорились о том, что к покупателю переходят 100% акций, покупатель их оплатил, но, несмотря на это продавец уклонился от регистрации перехода прав на акции, а вместо этого одобрил как единственный акционер сделку общества о предоставлении им обеспечения за третье лицо. Покупатель через суд добился признания его прав на акции, но когда он обратился с иском об оспаривании упомянутого решения об одобрении сделки, то ему было отказано по той причине, что раз он на момент этого решения не был в реестре акционеров, то и акционером он не был и потому оспаривать решение не может. В итоге суд дал защиту лицу, которое свой пакет акций продало и получило за них денежные средства, но только потому, что оно не передало запись в реестре»². Адекватна ли данная ситуация для стабильного оборота акций? Однозначно нет. Однако необходимо отметить, что российская доктрина, как, в общем, и законодатель не выработали единого подхода к пониманию роли регистрационной системы при движении прав на акции и доли участия в ООО. В свою очередь российская судебная практика понимает момент

---

¹ Карапетов А.Г. Принцип внесения, автономия воли и противопоставимость прав, ищем выход. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения 17.03.2019).

² Зайцев О.Р. Тезисы Олега Зайцева по государственной регистрации прав, к круглому столу института М-Логос 04 февраля 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения 04 04.2019).

внесения в буквальном смысле. Кейс, представленный в тезисах О.Р. Зайцева, рассматривался в арбитражных судах РФ, по которому Президиум ВАС РФ вынес Постановление от 02 июля 2013 № 2416/13 в котором содержится отказ в удовлетворении иска гражданина о признании недействительным решения общего собрания акционеров открытого акционерного общества об одобрении крупных сделок. ВАС РФ аргументирует свою позицию следующим образом, приобретатель акций, несмотря на совершение сделки, не являлся акционером общества на момент принятия оспариваемого решения, в угоду отсутствия соответствующей записи в реестре акционеров, следовательно, у него отсутствует право на обжалование указанного решения и на предъявление настоящего иска¹.

По мнению автора исследования, принцип внесения в его первоначальной сущности не может быть применяться к корпоративным отношениям. Данный механизм — это мера упорядочивания хаоса российского оборота при определении титула на объект недвижимости, но корпоративная практика гораздо сложнее, чем отношения классического гражданского и коммерческого оборота. Выделяя корпоративные отношения в рамках коммерческого оборота, автор работы позиционирует сделки внутри такого оборота, как нечто подчиненное общему правопорядку. Но исходя из специфики правового режима таких сделок, необходимо учесть, что не все последствия применения общих норм правового регулирования могут иметь справедливый добросовестный характер в векторе корпоративной сущности акций и долей участия в обществе. Попытка законодателя урегулировать переход прав на так называемые «бестелесные» объекты, не что иное как унификация регистрационной системы. По субъективному мнению автора работы, любая универсальность является свидетельством низкого качества регулирования и показателем неопределенности в последующем развитии модели регистрационной системы. Как видит законодатель процедуру

---

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 02 сентября 2013 г. № 10728/12 по делу № А42-6788/2011 // Текст Постановления официально опубликован не был [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.04.2019).

регистрации долей участия ООО и главное, какие цели преследует при реформировании правил перехода прав — откровенная загадка. То, что касается акций, то «частные реестры» теперь находятся под значительным влиянием Банка России, следовательно, государственное вмешательство отныне носит если не максимальный, то весомый характер в регулировании движения корпоративных прав. Правильно ли это? Скорее нет, причем применение слова «скорее» в данном контексте объясняется автором исследования исходя из того, а какой концепции в итоге необходимо придерживаться? Внесение с элементами противопоставимости? Это, по крайней мере абсурдно. Автор работы придерживается варианта возвышения роли нотариата при совершении сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах. Р.С. Бевзенко отметил, что дела об оспаривании сделок с долями участия в ООО стали невероятной редкостью для российской судебной практики именно благодаря новелле об обязательном нотариальном удостоверении таких сделок. В свою очередь сделки с акциями так и остаются в не поля совершения обязательных нотариальных действий. И действительно, с одной стороны акции являются мобильным объектом оборота, ведь приобретение ценных бумаг возможно и с помощью биржевой торговли, следовательно, нотариальное удостоверение таких сделок повлечет усложнение и замедление оборота. Однако не стоит забывать, что «пакеты» акций в значительной степени разнятся, и в первую очередь в аспекте корпоративного контроля. Приобретение даже блокирующего пакета акций (корпоративного контроля) — это сделка, влекущая такие последствия для акционерного общества, которые определяют его дальнейшую судьбу в рамках коммерческого оборота. Следовательно, такие сделки необходимо обязательно совершать с участием нотариуса, чтобы упреждать их порочность с последующей недействительностью. Регистратор «частный» или тем более государственный не способен априори оценить «действительность» или ее антипод, применительно к сделке корпоративного характера. Данная функция должна быть возложена именно на нотариуса. С

другой же стороны не может быть не обозначен вопрос готовности российского нотариата к таким задачам, однако, это уже сугубо вопрос квалификации и профессионализма.

Можно заметить, что данный параграф полностью не затрагивает такой важный аспект правового регулирования сделок с акциями и долями участия в ООО, как административные ограничения на совершения сделок в рамках антимонопольного законодательства. Безусловно, глава 7 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 № 135-ФЗ закрепляет множество императивных норм, носящих сугубо ограничительный характер, устанавливающих в основе своей систему государственного контроля за экономической концентрацией, которая выражается в обязательном получении предварительного согласия антимонопольного органа на осуществление сделок с акциями и долями участия в ООО, исходя из критериев, обозначенных законом¹. Автор исследования осознанно отошел от освещения аспекта правового регулирования в векторе антимонопольного законодательства. Данное исследование базируется в первую очередь на проблематике регулирования частноправовых отношений при совершении сделок с акциями и долями в уставном капитале ООО. Антимонопольный аспект играет важную роль, однако освещение данного вопроса требует более широкого формата конструирования самой работы. В дальнейшей части исследования, необходимо учесть, что строгое соблюдение норм о защите конкуренции в рамках данной работы презюмируется, следовательно, последующие рассуждения и выводы основываются на неуклонном соблюдении норм антимонопольного законодательства.

Исходя из вероятности наступления последствий, представленных на примере казуса, изложенного в тезисах О.Р. Зайцева, современная российская корпоративная практика сформировала некоторые особенности структурирования сделок с акциями и долями участия в ООО, акцентируя

---

¹ Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 № 135-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч). Ст. 3434.

внимание на особенности передачи прав по бездокументарным ценным бумагам, которая заключается в легальном закреплении некой вариативности порядка отчуждения прав на те же акции, подразумевающую помимо использования правомочия распоряжения, применение таких правовых конструкций отчуждения прав по акции, как наступление объективных обстоятельств в качестве условия списания ценных бумаг со счета лица, совершившего отчуждение, без предоставления его распоряжения. Применение подобных конструкций договоров (опцион на заключение договора) не является для российской корпоративной практики чем-то кардинально новым. Однако полноценное правовое регулирование и установление момента перехода прав по бездокументарной ценной бумаге в векторе использования, например, безотзывных офферт, акцептирование которых возможно только при наступлении объективных обстоятельств, де-факто является просто отражением правового режима оборота акций, который сформировался и без прямого легального закрепления, исходя из инициативных начал субъектов правоотношений на основе реализации принципа диспозитивности. Такая же конструкция может и использоваться при структурировании сделки с долями в уставном капитале ООО.

В настоящее время структурирование сделок с акциями и долями в ООО — это огромный самостоятельный пласт российской юридической практики, и такое значение ему придается именно из-за наличия проблем, связанных с правовым регулированием движения корпоративных прав. Поэтому следующая часть данного исследования посвящена вопросу особенностей заключения договора купли-продажи акций и долей участия в ООО. Автор работы убежден, что договор купли-продажи является основой российского оборота объектов, закрепляющих корпоративные права, следовательно, практическая проблематика именно этой правовой конструкции порождает отдельные особенности современного правового режима сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ.

2.2 Договор купли-продажи как основная сделка в обороте акций и долей хозяйственных обществ

Российская корпоративная практика на данный момент обладает совокупностью различных вариаций структурирования сделок с акциями и долями участия ООО. Выводы прошлого параграфа данного исследования показали, что движение корпоративных прав при совершении сделок с бездокументарными ценными бумагами или долями в уставном капитале общества строго сопряжены с императивными нормами, определяющими момент перехода права через концепцию внесения реестровой записи, что в судебной практике уже породило ряд опасных прецедентов защиты недобросовестных контрагентов. Рассуждая о значимости реестровых записей и будучи приверженцем хоть и альтернативной парадигмы по вопросу презюмирования достоверности информации предоставляемых ЕГЛЮЛ и «частными реестродержателями», автор работы убежден, что особенности российских моделей структурирования сделок сформировались не только из-за общеправовых проблем. Одним из ключевых катализаторов усложнения данных правоотношений является специфика коммерческого оборота современной России, ориентированного в большей мере на неустойчивость договорных начал и откровенную недобросовестность контрагентов, причем большинство пороков вписывается в прогнозируемое ведение деятельности, сугубо в краткосрочной перспективе. Другими словами, контрагенты, проявляя необходимую осмотрительность, и отдавая себе отчет о потенциальных угрозах частичной или полной потери своих активов при совершении сделки с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ, выстраивают специальный механизм сделки, чаще всего используя модель заключения сделки под условием в различных ее вариациях. Как ранее было установлено, правовой режим сделок с акциями и долями участия в ООО развивается в двух направлениях — это классический гражданско-правовой и коммерческий оборот. Дифференциация оборотов имеет ключевое значение для структурирования сделок и обуславливается

сущностью цели, которая выполняет ведущую роль в содержании сделки. Классические гражданско-правовые сделки опосредованы первостепенной целью, которая не сопрягается с коммерческой направленностью отношений. Как замечает Л.В. Андреева, договор является универсальным инструментом современного коммерческого оборота¹. Исходя из этого необходимо отметить, что далее в данном исследовании будет сделан акцент именно на сделках коммерческого оборота в угоду актуальности проблем современной российской корпоративной практики, в которой так или иначе преобладающее значение имеет купля-продажа акций и долей участия в обществе с использованием различных правовых конструкций.

Купля-продажа занимает центральное место среди всего спектра сделок в коммерческом обороте акций и долей участия ООО. Обусловлено такое явление частотой использования в купе с максимальной коммерческой ориентированностью данной правовой конструкции. Договор купли-продажи доли, как и любой договор купли-продажи, — возмездный и двухсторонний. Он также является договором синаллагматическим, поскольку исполнение покупателем обязательств по оплате товара обусловлено исполнением продавцом своих обязанностей по передаче товара покупателю, что закрепляется в норме п.1 ст. 328 ГК РФ². Однако необходимо обратить особое внимание на существенные условия такого договора, исходя из особенностей правового режима долей участия в коммерческом обороте.

Безусловно, первым существенным условием является предмет договора. Но стоит учесть, что юридическая доктрина и судебная практика одновременно используют разные подходы к пониманию предмета купли-продажи долей. Например, В.А. Белов также в качестве предмета договора купли-продажи называет товар, под которым понимает любое имущество, не

---

¹ Андреева Л.В. Коммерческое право: учебник. М.: КНОРУС, 2018. С. 123.

² Илюшина М.Н. Сделки с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: учебное пособие. М.:РПА Минюста России, 2015 . С. 74.

ограниченное в обороте¹. В свою очередь Ю.В. Романец указывает, что предмет договора — это материальный объект, по поводу которого складывается гражданское правоотношение². Очевидно, что данные доктринальные воззрения выступают в каком-то смысле антиподами друг друга. Но как было установлено ранее, доли участия в ООО — это уникальный нематериальный объект оборота, который если и называть имуществом, то сугубо в усеченном контексте. Как отмечает М.Н. Илюшина, российская судебная практика закладывает в предмет договора купли-продажи долей достаточно широкое понимание доли, как имущественного права корпоративной природы, рассматривая долю через описание ее размера³. Тем самым прослеживается реализация концепции «доли-символа» за авторством Р.С. Бевзенко, которая в основе своей расширяет понимание доли посредством рассмотрения ее в рамках корпоративного начала. Вторым существенным условием следует признать цену отчуждения доли. Цена доли участия может варьироваться от применения номинальной стоимости до использования расчета действительной стоимости. Но номинал — это стоимостное выражение доли по отношению к уставному капиталу общества, что в итоге не может отражать фактическую (рыночную) стоимость доли, следовательно, ключевую роль играет действительная стоимость, которая рассчитывается по правилам, установленными Минфином России⁴. Но опять же не стоит забывать, что частное право выстроено на фундаментальных принципах свободы договора и диспозитивности. В итоге действительная стоимость являться неким ориентиром контрагентов, но не как не обязательным условием при структурировании сделки. Существенное

---

¹ Белов В.А. Гражданское право особенная часть, относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.:Юрайт,2019. С. 107.

² Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. М.: Норма, 2013. С. 211.

³ Илюшина М.Н. Сделки с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: учебное пособие. С. 74.

⁴ Приказ Минфина России «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов» от 28 марта 2014 г. № 84н // Российская газета. 2014. № 244

условие считается согласованным в момент определения и отражения в договоре цены либо объективных способов ее расчета.

А какие же особенности носит в себе конструкция договора купли-продажи акций? На легальном уровне норма п.2 ст. 454 ГК РФ устанавливает, что к купле-продаже ценных бумаг и валютных ценностей общие положения о купле-продаже применяются, если законом не установлены специальные правила их купли-продажи¹. Стоит отметить, купля-продажа акций в российском правовом порядке сопровождается рядом практических проблем, с которыми контрагенты могут столкнуться при заключении соответствующего договора. Необходимо акцентировать внимание, что согласно норме ст. 455 ГК РФ товаром по договору купли-продажи могут быть любые вещи с соблюдением правил, предусмотренных законом. Возникает очевидный вопрос теоретического характера, насколько легально использовать данную норму, принимая во внимание позицию В.А. Белова о предмете договора купли-продажи в качестве товара. Имущество, корпоративные доли и права по бездокументарным ценным бумагам абсолютно не могут относиться к легальной категории «любые вещи». Однако ГК РФ в п.1 ст. 455 отсылает к диспозиции ст. 129 ГК РФ, где речь идет об оборотоспособности объектов гражданских прав, но ведь изначально в норме ст. 455 ГК РФ употреблялся термин вещь. Практика, так или иначе, обходит стороной вопиющую теоретическую ошибку и использует норму ст. 455 ГК РФ применительно к акциям и долям участия в той мере, в которой это не противоречит специальному законодательству, регулирующему их оборот. Ввиду обозначенной проблемы возникает вопрос, имеются ли иные существенные условия договора купли-продажи акций, помимо специфики предмета, ведь законодатель в рамках специального правового регулирования так и не установил совокупность существенных условий данной сделки.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 5. Ст. 410.

М.В. Ратушный обращает внимание, что практический аспект согласования существенного условия о предмете договора купли-продажи акций был четко выработан российской судебной практикой. Арбитражные суды РФ единообразно подходят к определению предмета договора. Исходя из того, что законодатель не установил специальные правила относительно купли-продажи акций, следовательно, подлежат применению общие правила о купле-продаже, а условие о предмете считается согласованным, если наименование и количество акций определено сторонами. Для определения, какие акции являются предметом договора купли-продажи, суды считают, что в договоре необходимо указывать государственный регистрационный номер выпуска акций, который в соответствии с нормой ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг идентифицирует конкретный выпуск эмиссионных ценных бумаг¹. Как отмечается в судебной практике, наличие государственного регистрационного номера в договоре и передаточном распоряжении является обязательным при идентификации акций, в противном случае договор считается незаключенным². Вторым существенным условием договора купли-продажи акций является цена. Данный тезис обозначен на основе как судебной практики, так и теоретических воззрений. Например, О.К. Кремлева отмечает, что в юридической литературе уже давно существует дискуссия применительно к вопросу закрепления цены как существенного условия договора купли-продажи акций, однако если и закреплять подобное, то необходимо это сделать на уровне закона, а не на уровне актов Банка России³. Стоит обратить внимание на то, что акт Банка России, косвенно закрепляющий цену как существенное условие — это постановление ФКЦБ от 02.10.1997г. №27 «Об утверждении Положения о ведении реестра

---

¹ Ратушный М.В. Особенности правового регулирования договора купли-продажи акций: практический аспект.// Имущественные отношения. 2017. № 9. С. 45-47.

² См., например, Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда № 10АП-1718/2016 по делу № А41-47591/15 от 9 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 22.04.2019).

³ Кремлева О.К. Договор купли-продажи акций: дис ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 29.

владельцев именных ценных бумаг», которое на данный момент утратило силу¹. В свою очередь, ныне действующие положения Банка России не содержат даже намека на установление цены в качестве существенного условия договора купли-продажи акций². М.В. Ратушный полагает, что необходимость закрепления цены в качестве существенного условия договора купли-продажи акций на уровне закона является обоснованной, поскольку применение положений п. 1 ст. 485 ГК РФ и п.3 ст. 424 ГК РФ к цене акций как товару не представляется возможным, например, акции непубличного АО не размещаются путем открытой подписки и не обращаются публично в отличие от акций ПАО, что исключает возможность участников оборота определять цену, взимаемую при сравнимых обстоятельствах за аналогичные товары³. Судебная практика по данному вопросу не выработала единства, однако в большинстве случаев арбитражные суды, безусловно, признают цену в качестве существенного условия договора купли-продажи акций⁴. Но, тем не менее, легальное закрепление цены в качестве существенного условия конкретно выражено в одном случае, установленной нормой п.3 ст. 7 Закона об АО, которая наделяет участников непубличного акционерного общества возможностью предусмотреть уставом право преимущественного приобретения акций, отчуждаемых по возмездным сделкам другими акционерами по цене предложения третьим лицам или по заранее установленной уставом цене. Допустим такое право установлено уставом АО, следовательно, акционер, имеющий намерение произвести отчуждение своих акций, должен

---

¹ Постановление ФКЦБ РФ «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг» от 02 октября 1997 г. № 27 // Вестник ФКЦБ России . 1997 г. № 7.(акт утратил силу).

² Положение «О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг» от 27 декабря 2016 г. № 572-П // Вестник Банка России. 2017 г. № 25.

³ Ратушный М.В. Особенности правового регулирования договора купли-продажи акций: практический аспект. С. 45-47.

⁴ См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа № Ф07-6654/2016 по делу № А42-8079/201 от 9 сентября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 22.04.2019).

произвести предварительное уведомление общества посредством направления извещения, которое одновременно является офертой¹. В свою очередь норма п. 4 ст. 7 Закона об АО устанавливает правило формирования такого извещения (оферты), которое обязательно содержит информацию о количестве акций, подлежащих отчуждению, их цену и иные условия сделки.

Системное толкование норм, содержащихся как в ныне действующих, так и утративших силу актах, а также в некоторых случаях судебная практика, позволяют сделать обобщающий вывод — цена должна являться существенным условием договора купли-продажи акций. Неустойчивость позиции Банка России, отсутствие единства судебной практики по вопросу существенных условий договора купли-продажи долей участия и бездокументарных ценных бумаг корпоративной природы, приводят к одному практическому аспекту, который необходимо учитывать при структурировании сделки с таким уникальным «бестелесными корпоративными объектами» - цену и идентификацию предмета посредством использования государственного регистрационного номера выпуска ценных бумаг (применительно к акциям), несмотря на дискуссию как на доктринальном, так и на правоприменительном уровне, необходимо учитывать в качестве существенных условий с целью превентивного пресечения такого варианта развития событий, при котором договор признается незаключенным.

Обозначив основную проблематику существенных условий договора купли продажи акций и долей участия в ООО, необходимо отметить, что при заключении подобных сделок, так или иначе превалирующее значение обретает вопрос качества объекта отчуждения (приобретения). Ю. Туманский рассуждая на эту тему, акцентирует внимание на теоретической возможности применения термина «качество доли» или «качества акций», поскольку

---

¹ Ратушный М.В. Особенности правового регулирования договора купли-продажи акций: практический аспект. С. 49.

видимых препятствий для этого не установлено¹. Норма п.1 ст. 469 ГК РФ устанавливает общее правило, по которому продавец обязан передать покупателю товар, качество которого соответствует договору купли-продажи. М.Н. Илюшина, раскрывая вопрос качества объектов корпоративной природы уточняет, что в данном случае качество доли понимается прежде всего, как имущественное положение того общества, доля которого приобретается. Ведь сама цель приобретения доли — это приобретение совокупности корпоративных прав в конкретном обществе, имеющем определенное имущество, имущественные и неимущественные права, следовательно, нельзя отрицать, что для покупателя доли участия в ООО либо акций общества важно, чтобы имущественное положение общества не ухудшилось². И действительно, как с практической точки зрения, объективно оценить качество доли в уставном капитале ООО или тех же акций? Очевидно, существует необходимость в разработке единой системы критериев оценки «качества товара». Однако стоит учесть, что так называемое качество долей (акций) де-факто можно определить, исходя из результатов проведения, например, проверки бизнеса в рамках due diligence.

А теперь гипотетически представим себе ситуацию обыденного практического характера, контрагенты совершают сделку по приобретению долей участия в ООО, при которой потенциальный покупатель заинтересован в стабильности бизнеса. Исходя из наличия клиентелы у хозяйственного общества, что подтверждается отчетом due diligence, покупатель делает вывод, что приобретение доли участия в обществе по определенной цене является с коммерческой точки зрения оправданным решением. Заключая договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с нотариальным удостоверением такой сделки, в последующем контрагент уклоняется от совершения действий, направленных на внесение записи о переходе права в

---

¹ Туманский Ю. Купля-продажа акций и долей в уставном капитале. Как оценить качество товара // Юрист компании. 2010. № 12. С. 71.

² Илюшина М.Н. Сделки с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: учебное пособие. С. 81.

ЕГРЮЛ. Тем временем недобросовестный продавец на правах участника общества совершает совокупность действий, которые негативно сказываются на коммерческой деятельности ООО. Как отмечает Ж.В. Томашевская к таким действиям относятся, в том числе и отсутствие принятия решения по пролонгации договора поставки с ключевым контрагентом либо заключение любого долгосрочного предпринимательского договора с заведомо недобросовестным контрагентом, что так или иначе несет негативный характер для «качества доли»¹. Можно ли защитить нарушенные права покупателя, руководствуясь в первую очередь нормой ст. 469 ГК РФ? М.Н. Илюшина утверждает, что к сожалению, судебная практика не имеет однозначной позиции по этому вопросу, остается неясным, имеет ли право покупатель защищать свои права в случае нарушения качества купленной доли в рассмотренном смысле, если обнаруживается, что положение общества существенно ухудшилось². И именно в этот момент необходимо акцентировать внимание на уже рассмотренной ранее в данном исследовании судебной практике ВАС РФ, которая актуальна и по сей день. Казус, разрешенный в постановлении ВАС РФ от 02 июля 2013 № 2416/13, яркий пример тому, какую роль играет легитимация перехода права посредством внесения записи в ЕГРЮЛ и какие фундаментальные последствия созданы благодаря так называемому «принципу внесения». Автор исследования критически относится к отказу от «принципа противопоставимости» применительно к определению момента перехода права как на доли участия в ООО, так и к бездокументарным ценным бумагам. Все действия совершенные лицом по осуществлению корпоративных прав в обществе, недобросовестно ссылающимся на наличие у него права на долю участия в ООО либо на пакет акций, после совершения сделки по их отчуждению — могут быть оспорены добросовестным приобретателем, несмотря на

---

¹ Томашевская Ж.В. Опционы и опционные договоры в отношении акций или доли в ООО: три года, полет нормальный. [Электронный ресурс] URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения 23.04.2019).

² Илюшина М.Н. Сделки с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: учебное пособие. С. 97.

отсутствие внесения новой записи в ЕГРЮЛ либо в реестр «частного регистратора». Данный тезис являет собой противопоставление позиции ВАС РФ и современной судебной практики в целом, однако стоит обратить внимание на историю развития государственной регистрационной системы в России по вопросу перехода титула на объекты недвижимости, акцентируя внимание на том, что судебная система, исходя из принципа справедливости и учета баланса интересов участников оборота все таки восприняла основные элементы «принципа противопоставимости» применительно к объектам недвижимости.

Автор работы рассуждая о несовершенстве «принципа внесения», обращает внимание на фундаментальное Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в п.3 которого содержится правоположение закрепляющее, что ст. 8.1 ГК РФ содержит основополагающие правила государственной регистрации прав на имущество, подлежащие применению независимо от того, что является объектом регистрации (права на недвижимое имущество, доля в уставном капитале ООО и др.). Для лиц, не являющихся сторонами сделки и не участвовавших в деле, считается, что подлежащие государственной регистрации права на имущество возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, а не в момент совершения фактического исполнения сделки. При этом с момента возникновения соответствующего основания для государственной регистрации права стороны такой сделки не вправе в отношениях между собой недобросовестно ссылаться на отсутствие в государственном реестре записи об этом праве¹. Итак, интерпретационный акт фактически частично закрепил «принцип противопоставимости» в векторе недобросовестности контрагентов по сделкам с долями участия ООО, однако, необходимо

---

¹ Постановление Пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

отметить, что в документе абсолютно никак не упоминаются сделки с акциями и переход прав на них посредством внесения записи в реестр «частного регистратора». Верховный суд делает акцент именно на государственной регистрации права, что вводит в некое заблуждение по поводу применения по аналогии правила противопоставимости в случае недобросовестных действий контрагентов, например, в рамках отношений из договора купли-продажи акций.

Безусловно, можно считать, что на данный момент проблема недобросовестности действий сторон сделки в договорных отношениях между собой, ссылающихся на отсутствие регистрационной записи о переходе права на долю в уставном капитале ООО при уже имеющемся заключенном договоре о переходе такого права, является разрешенной. Интерпретатор установил, что элемент противопоставимости при существовании общего «принципа внесения» имеет место быть при защите прав и законных интересов добросовестного контрагента¹. Однако вся идея французского «принципа противопоставимости» применительно к российскому правопорядку сведена только к записям о переходе права, вносимых сугубо в государственные реестры. А как же быть с «частными реестродержателями»? Получается, что даже после появления правовой позиции ВС РФ элементы принципа противопоставимости не применяются к сделкам с акциями. В качестве обоснованности заявленного тезиса обратимся к судебной практике. Ярким примером может послужить Апелляционное Постановление от 4 марта 2016 г. по делу № А56-50258/2015 вынесенное Тринадцатым Арбитражным Апелляционным судом, в котором содержится следующая позиция, согласно которой ч. 5 ст. 29 Закона о рынке ценных бумаг переход прав к приобретателю в случае учета прав на бездокументарные ценные бумаги в системе ведения реестра происходит с момента внесения переходной записи по лицевому счету приобретателя. На

---

¹ Савельев Л.С. Должен ли приобретатель доказывать свою добросовестность. // Московский юрист. 2011. № 2. С. 14-15.

основании указанной нормы односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи акций по основаниям, предусмотренным ГК РФ не свидетельствует о переходе прав на акции с указанной даты прекращения обязательств, поскольку переход прав на акции требовал выполнения действий по регистрации перехода такого права в реестре акционеров, следовательно, сторона, чье право не было отражено в реестре акционеров на момент принятия корпоративного решения на внеочередном собрании акционеров не имеет право заявлять требования о недействительности внеочередного собрания акционеров и принятых на нем решений¹. Как можно заметить судебная практика не использует «принцип противопоставимости» применительно к сделкам с акциями в части недобросовестных действий одной из сторон, ссылающейся на не возникновение права у своего контрагента по договору той же купли-продажи акций, ввиду отсутствия переходной записи в реестре акционеров при наличии заключенного договора и полученного по нему исполнения (уплаты денежных средств за акции). В итоге судебная практика по данному вопросу продолжает быть неизменной на протяжении многих лет, следовательно, представленный в предыдущем параграфе казус в тезисах О.Р. Зайцева по сей день не потерял актуальности.

Подводя промежуточные итоги, необходимо отметить, что конструкция договора купли-продажи является универсальным инструментарием при отчуждении и приобретении акций и долей участия в ООО. Однако обозначенные в ходе исследования проблемы, связанные одновременно с потенциальной недобросовестностью контрагентов по таким сделкам, а также отсутствием адекватных полноценных правовых способов защиты добросовестных приобретателей, которые находят отражение в общей нестабильности судебной практики вкупе с разнополярными доктринальными воззрениями, привели к формированию современного

---

¹ См., например, Постановление Тринадцатого Арбитражного Апелляционного суда № 13АП-31589/2015 по делу № А56-50258/2015 от 4 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 25.04.2019).

правового режима сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах России, характеризующегося использованием сложных вариаций при структурировании сделок. Классическая купля-продажа зачастую совершается с использованием различных правовых конструкций, например, российская корпоративная практика широко использует предварительный договор, а также опционные конструкции, включая опцион на заключение договора и непосредственно сам опционный договор. Российский консалтинг предоставляет для своих потенциальных клиентов различный спектр вариантов структурирования сделок с акциями и долями участия в ООО, характеризуя свой продукт как надежная превентивная защита интересов приобретателей долей в уставном капитале хозяйственных обществ. Но является ли такое структурирование сделки куплей-продажей или это уже самостоятельные правовые конструкции?

В связи с представленными особенностями правового режима сделок с акциями и долями участия в ООО, автор позиционирует свою работу не как исследование отдельных аспектов купли-продажи, а именно в качестве исследования правовых аспектов сделок с корпоративными объектами российского оборота, акцентируя внимание на практике использования иных правовых конструкций, которые так или иначе берут свое начало из купли-продажи, но все таки обладают фундаментальной спецификой, что уже нашло свое отражение как на легальном уровне, так и в правовом режиме оборота акций и долей в хозяйственных обществах РФ. Следующая глава посвящена некоторым практическим особенностям структурирования сделок с акциями и долями участия в ООО в векторе корпоративной практики современной России.

ГЛАВА 3 СТРУКТУРИРОВАНИЕ СДЕЛОК С АКЦИЯМИ И ДОЛЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АСПЕКТ ПРЕВЕНТИВНОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ КОНТРАГЕНТОВ

3.1 Специфика совершения сделок с акциями и долями хозяйственных обществ посредством заключения предварительного договора

Предварительный договор выступает в качестве наиболее универсальной правовой конструкции, используемой при структурировании сделок по приобретению (отчуждению) акций и долей в уставном капитале ООО. Обуславливается данный факт относительной простотой формирования условий такого договора вкупе со сложившемся неким деловым обыкновением российской корпоративной практики, которая в угоду доктринальной разработанности, подкрепляясь обширной судебной практикой, не является чем то новым для участников оборота, что придает таким сделкам прогнозируемый характер установления, изменения или прекращения прав на акции или доли в уставном капитале ООО. В отличие от классического договора купли-продажи или мены, предварительный договор заключается с целью разрешения вопроса «качества», приобретаемых акций и долей участия посредством структурирования сделки с использованием механизма отлагательного условия¹. Так или иначе отлагательное условие зачастую сопрягается с результатами проверки бизнеса в рамках due diligence, аудиторского заключения или под условием наступления какого-либо юридического факта.

Перед тем как обозначить основные тезисы в рамках отдельных проблем структурирования сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ посредством заключения предварительного договора, необходимо отразить некоторые теоретические воззрения, касаемо правовой природы предварительного договора. Легальное закрепление конструкции

---

¹ Сухов И. Отлагательное условие в предварительном договоре. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения 25.04.2019).

предварительного договора содержится в норме в п.1 ст. 429 ГК РФ, которая устанавливает правило, согласно которому по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. Теперь сравним легальное определение с теоретическим пониманием сущности предварительного договора в векторе краткого анализа генезиса данного правового явления.

Термин «предварительный договор» представляет собой кальку с немецкого «Vorvertrag», предложенного в 1854 г. Генрихом Телем взамен громоздкого пандектного *actum de contrahendo*¹. Наименование «*actum de contrahendo*» является более точным, поскольку содержит указание на «*contrahere*» раскрывая сущность юридической конструкции — заключение другого договора, тогда как в понятии «Vorvertrag» и «предварительный договор» акцент сделан только на моменте заключения договора². Автор работы, рассуждая о предварительном договоре в российских правовых реалиях, предлагает опираться именно на пандектное понимание данного термина, исходя из той идеи, что предварительный договор можно назвать сделкой, подготавливающей основной договор. То есть наличествует два договора, и их взаимозависимость носит специфический характер, так как если после заключения основного договора выяснится, что предварительный договор был недействительным и незаключенным, то данный юридический факт не окажет влияние на действительность основного договора. Однако, как отмечает М.И. Брагинский, предварительный договор, так и документы, фиксирующие ход переговоров, но не создающие обязательства заключить договор, могут учитываться при толковании заключенного впоследствии договора³. Из этого следует, что правовая природа предварительного договора носит двухсторонний характер воздействия на основной договор. С

---

¹ Adler K. Realcontract und Vorvertrag. Jena, 1892. № 5.

² Меньшин П.А. Понятие и предмет предварительного договора: основные подходы теории и практики // Вестник ВАС РФ. 2011. № 1. С. 31-33.

³ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. М.: Статут, 2011. С. 437.

одной стороны, прослеживается некая автономность предварительного договора от основного, в особенности после момента заключения и исполнения обязательств по последнему, однако стоит учесть, что норма п. 3 ст. 429 ГК РФ закрепляет, что предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного договора. Следовательно, предмет предварительного договора той же купли-продажи акций и долей участия ООО определяется, исходя из конструкции классической купли-продажи. Но, в сущности, предварительный договор, как было уже ранее отмечено, носит превентивный характер в защите интересов приобретателя акций и долей в уставном капитале ООО. Например, представим себе следующую ситуацию, потенциальный приобретатель акций, желая защитить свой интерес по сделке, выражаемый в неизменности рыночной стоимости актива, хотя бы на перспективу временного промежутка от заключения сделки до момента перехода права (внесения регистрационной записи), осознает, что рыночная стоимость приобретаемого пакета акций на ММВБ на прямую зависит от пролонгации акционерным обществом конкретного коммерческого договора с ключевым контрагентом. В итоге для того, чтобы оптимизировать риски приобретения акций для покупателя, между сторонами заключается предварительный договор под отлагательным условием. Есть пролонгация либо заключение сделки с ключевым контрагентом — есть основание заключить основной договор по приобретению акций. Причем предварительная конструкция в этом случае также фиксирует цену приобретения акций, что в итоге купирует потенциальную недобросовестность продавца по вопросу формирования цены. Автор исследования убежден, что использование конструкции купли-продажи под условием как альтернатива предварительному договору под условием, далеко не самый лучший выбор при защите интересов приобретателя акций и долей участия ООО. Акцентируя внимание на

пандектной концепции «*actum de contrahendo*», необходимо заметить, что не момент передачи прав на акции и доли участия имеет значение, а наличие двух, хоть и взаимосвязанных, но все-таки разных договоров, а следовательно, взаимосвязь обязательств сведена только к предмету и иным условиям, имеющим значение по заявлению одной из сторон, естественно таким условием должна выступать цена. Используя конструкцию предварительного договора, удастся избежать связывания потенциального приобретателя основным обязательством, тем самым создавая ему некий временный промежуток для оценки ситуации и анализа отчета проверки бизнеса *due diligence*, что в свою очередь может повлиять на дальнейшее структурирование сделки уже в рамках основного договора.

Одним из ключевых аргументов в пользу заключения предварительного договора при приобретении акций и долей участия в ООО, является вариативность конструкции в рамках потенциального заключения основного договора с учетом корректировки некоторых условий. В юридической литературе встречается неоднозначная точка зрения, согласно которой обязательство заключить основной договор является способом обеспечения обязательств. Например, Ю.В. Шанаурина заявляет тезис, в котором обозначена позиция, что «предварительный договор, являясь способом обеспечения обязательства, устанавливается по соглашению сторон, что в свою очередь служит основанием для возникновения основного обязательства, то есть существует в виде акцессорного обязательства и стимулирует должника к исполнению обязательства в случае его неисправности¹. Данный тезис, по мнению П.А. Меньшина абсолютно не состоятелен по причине того, что предварительный договор не только не направлен на обеспечение исполнения основного договора, но также не создает гарантию заключения такого договора, поскольку далеко не во всех

---

¹ Шанаурина Ю.В. Институт предварительного договора в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2006. С. 72.

случаях понуждение к этому будет возможно¹. Автор исследования убежден, что именовать предварительный договор способом обеспечения обязательства, не что иное как классическая софистика. Исходя их пандектного понимания правовой конструкции предварительного договора, необходимо акцентировать внимание на том, что это два разных договора и два разных обязательства. Следовательно, заключение предварительного договора — это возможность предусмотреть такой вариант развития событий, при котором потенциальный приобретатель попросту откажется от заключения договора ввиду, заложенного механизма отлагательного условия, которое, допустим, не наступило или наступило, но с существенным нарушением условий предварительного договора. Как отмечает К.И. Скловский: «предварительный договор — это, прежде всего защита расходов, которые необходимо произвести в ожидании заключения основного договора»². Однако применительно к акциям и долям участия в ООО все-таки речь идет не столько о расходах, сколько об упущенной выгоде и договорной неустойки (пени), которая может возникнуть ввиду уклонения одной из сторон предварительного договора от заключения основного договора.

Теперь необходимо обозначить вопрос понуждения к заключению основного договора и так называемых «преимущественных» прав на его заключение вследствие исполнения предварительного договора. Норма ст. 429 ГК РФ регламентирует легальный запрет на ограничение свободы заключения основного договора. О.Н. Чумакова, рассуждая о применении свободы договора, замечает тот факт, что принцип свободы договора во многом перекликается с таким понятием, как добросовестность, такое сопоставление видится обоснованным в случае возникновения права на обязательное заключение договора. Исходя из этого добросовестная сторона,

---

¹ Меньшин П.А. Предварительный договор в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук, 2011. С 55.

² Скловский К.И. Предварительный договор об аренде. Недействительность договора аренды и улучшения имущества // Закон. 2009. № 5. С. 219.

в случае уклонения недобросовестного контрагента от заключения основного договора, может предъявить иск в суд о признании договора заключенным на условиях, предусмотренных предварительным договором. Тем самым недобросовестный продавец лишился свободы договора с последующими добросовестными контрагентами¹. В.В. Витрянский указывает, что свобода договора по своему характеру не может быть абсолютной, что, так или иначе оправдывает наличие легальных ограничений, как исключение из принципа свободы договора². Аналогичная позиция изложена и в одном из последних Постановлений Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», который гласит, что применение ограничения свободы договора возможно исходя из целей законодательного регулирования, когда ограничение свободы договора необходимо для защиты слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон³. Автор исследования видит эту ситуацию немного иначе. Принцип свободы договора, являясь фундаментальным началом частного права, в представленном случае никак не ограничен. Рассматривая предварительный договор, хоть и в качестве отдельной конструкции, необходимо не забывать о его взаимосвязи с основным договором, особенно до момента заключения последнего, следовательно, проявленная воля стороны на заключение предварительного договора должна презюмироваться как воля на заключение основного договора. Если же в действиях стороны прослеживается переменчивое поведение, то такая сторона должна признаваться недобросовестной, следовательно, она лишается права ссылаться на свободу договора, так как изначальное волеизъявление на совершение сделки — есть опосредованная предварительным договором реализация свободы договора на вступление в

---

¹ Чумакова О.Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора. // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. Том 2. № 4. С. 25.

² Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2009. Кн.1. С. 271.

³ Постановление Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

правоотношение уже по основному договору. Автор исследования относится к ограничению свободы договора с неким скепсисом, полагая, что в частном праве необходимо использовать не ограничительный правовой инструментарий, а в большей мере оценивать действия контрагентов через призму добросовестности.

Но, однако, не смотря на рассуждения в векторе теоретического обоснования проблемы принуждения к заключению основного договора той стороны, которая уклоняется от данной обязанности, предусмотренной предварительным договором, необходимо сконцентрировать внимание на практических проблемах использования такой правовой конструкции в российском правопорядке. Обращаясь к правовой характеристике предварительного договора, обозначим крайне важный аспект данной правовой конструкции — заключение предварительного договора не влечет появления преимущественного права на приобретение того объекта оборота, который должен выступить в качестве предмета основного договора. Например, представим следующую ситуацию, стороны заключили предварительный договор купли-продажи пакета акций, по которому основной договор заключается по результатам отчета *due diligence* в рамках оценки состояния акционерного общества, проведение которого производится за счет денежных средств покупателя в рамках предварительного договора. После получения отчета *due diligence*, результаты которого соответствуют условиям предварительного договора, продавец производит отчуждение предмета предварительного договора на более выгодных условиях третьему лицу. Естественно, получив оферту на заключение основного договора от контрагента по предварительному договору, недобросовестная сторона не сможет произвести ее акцепт и передать уже реализованный третьему лицу пакет акций. Каким же образом выстраивать защиту нарушенного права добросовестной стороны сделки, которая так или иначе рассчитывала на заключение основного договора. Например, А.Г. Карапетов отмечает, что качественно подготовленный

предварительный договор должен содержать условия о наличии негативных обязательств продавца воздержаться от отчуждения соответствующего имущества третьим лицам или от обременения его залогом и т.д.¹ В случае нарушения таких условий другая сторона может вместо предъявления требования о заключении основного договора расторгнуть предварительный договор и потребовать возмещение убытков или уплаты установленной в договоре неустойки. Также помимо права на расторжение предварительного договора и взыскании убытков потенциальный приобретатель имущества по предварительному договору должен иметь право оспорить сделку, направленную на отчуждение указанного в предварительном договоре имущества третьему лицу². Автор работы убежден, что использовать норму п.4 ст. 445 ГК РФ и принудить недобросовестную сторону к заключению договора в данном примере не представляется возможным, исходя из того, что предмет договора выбыл из обладания контрагента, причем сразу акцентируем внимание, что оспаривание сделки по отчуждению предмета предварительного договора третьему лицу будет осложнено рядом обстоятельств, одним из которых будет выступать добросовестность нового приобретателя. Хотя, с другой стороны, если абстрактно представить себе ситуацию, что третье лицо знало или должно было знать о наличии предварительного договора, то безусловно, никакого обременения в отношении пакета акций также не возникает, однако автор исследования, соглашаясь с А.Г. Карапетовым, также убежден, что в соответствии с нормой п. 4 ст. ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения, а следовательно, такие сделки должны быть оспоримы. Однако стоит отметить, что на практике подобное оспаривание сделок не пройдет сквозь непреодолимую преграду, именуемой «процесс доказывания» недобросовестности третьего лица,

---

¹ Карапетов А.Г. Предварительный договор: комментарий к новой редакции ст. 429 ГК РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения 27.04.2019).

² Карапетов А.Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России // Вестник ВАС РФ. 2009. № 12. С 33-36.

которое фактически приобрело предмет предварительного договора, возможно даже не зная о существовании предварительной сделки. А.Г. Карапетов заявляет тезис с которым трудно не согласится: «право не может поощрять сговор правообладателя и третьего лица, направленный на нарушение прав стороны предварительного договора»¹. В итоге необходимо доказать сговор или недобросовестность в действиях третьего лица во взаимосвязи с продавцом по предварительному договору той же купли-продажи акций, а уже потом развивать тему оспаривания такой сделки, подбирая наиболее подходящее основание ее недействительности.

Автор исследования, акцентирует внимание, что предварительная конструкция с практической точки зрения крайне проста и удачна в части своей вариативности, исходя из этого не стоит сводить все структурирование сделки только через модель предварительного договора под отлагательным условием, когда в свою очередь на горизонте существует более «надежный» механизм — это предварительный договор, односторонне-обязывающего характера. Дело в том, что особенность обязательств, возникающих у контрагентов в рамках предварительного договора, основывается на интересе сторон в будущем окончательно согласовать и заключить основной договор. Исходя из принципа свободы договора, объективно прослеживается такой вариант совершения сделки, при котором можно «обременить» обязанностью заключить основной договор обоих контрагентов либо предусмотреть вариант наличия у одной стороны только обязанности, а у другой только права на заключение основного договора, тем самым, исходя из такого подхода к структурированию сделки, закладывая превентивный механизм защиты интересов приобретателя акций и долей участия в ООО. Достаточно наделить приобретателя только правом на заключение основного договора, а продавца обязанностью произвести акцепт, полученной им оферты. Следовательно, в рамках предварительного договора, необходимо установить

---

¹ Карапетов А.Г. Предварительный договор: комментарий к новой редакции ст. 429 ГК РФ.

срок его действия в течении которого, потенциальный приобретатель предмета, который указан в предварительном договоре имеет право направлять оферту. Именно приобретатель принимает окончательное решение, основываясь, например, на отчете due diligence, или по результатам проведения аудиторской проверки, в какой момент направить оферту на заключение основного договора контрагенту по предварительному договору, который в свою очередь обязан ее акцептировать.

Рассуждая о совершении сделки с акциями и долями в уставном капитале ООО посредством использования предварительного договора, необходимо отметить важный практический аспект, который, так или иначе, воспринимается российскими цивилистами как поле для дискуссии. Можно ли вообще заключить предварительный договор, который носит односторонне обязывающий характер? Например, В.А. Белов утверждает, что предварительный договор не может быть односторонне обязывающим по своей правовой природе¹. В поддержку данного тезиса также выступает Е.Н. Подузова, которая рассуждает следующим образом, если в конструкции предварительного договора о совершении сделки лишь одна сторона несет обязанность совершить сделку, другая сторона имеет право требования исполнения указанной обязанности, то такая конструкция предварительного договора вступает в противоречие с его двусторонне обязывающим характером, что теоретически не верно². В свою очередь А.Г. Карапетов отмечает, что видимых препятствий для заключения такого договора нет, как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Приводя разнополярные точки зрения по данному вопросу, автор исследования обращает внимание, что односторонний характер обязательств в конструкции предварительного договора абсолютно адекватное правовое явление, которое не коем образом не противоречит фундаментальным началам частного права. При разрешении

---

¹ Белов В.А. Гражданское право: особенная часть. Учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. С. 183.

² Подузова Е.Б. Предварительный договор как основание возникновения организационного правоотношения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 10. С. 139.

подобных ситуаций, на стыке практики и теории, необходимо использовать изящный инструмент, который именуется принципом свободы договора, о котором уже заходила речь ранее. И.Б. Новицкий характеризует свободу договора как право договаривающихся лиц по взаимному согласию вкладывать в договор то, или иное содержание. При этом собственное усмотрение сторон не ограничивается типами (видами) договоров, предусмотренных законодательством¹. Свобода договора максимизирована и воплощается в своем совершенстве, как фундаментальное начало цивилизованных современных отношений, конечно же, в принципах УНИДРУА, которые так или иначе отражают уже в конкретных нормах сущность теоретических воззрений о свободе договорных сделок². Причем если вернуться к российскому правопорядку, то даже норма ст. 429 ГК РФ легально никак не препятствует реализации подобной конструкции. Следовательно, по субъективному мнению автора правовая конструкция предварительного договора односторонне обязывающего характера, является великолепной альтернативой предварительному договору под отлагательным условием.

Еще одним не мало важным практическим аспектом структурирования сделок с долями участия в ООО посредством использования предварительного договора является вопрос нотариального удостоверения такого договора. Формально норма п. 11 ст. 21 Закона об ООО закрепляет обязательное нотариальное удостоверение сделки на отчуждение доли участия в ООО. Исходя из пандектной концепции «*pactum de contrahendo*» можно прийти к выводу, предварительный договор — это не есть сделка на отчуждение доли в уставном капитале ООО, следовательно, нотариальное удостоверение для нее не требуется. Однако судебная практика придерживается иной позиции. Как отмечает А.Д. Лебедев, декабрь 2018 года ознаменовался изменением курса судебной практики в России в части

---

¹ Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Юридическая литература, 1954. С. 17.

² Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. С. 187.

удостоверения сделок по отчуждению долей в уставном капитале ООО¹. Благодаря Определению ВС РФ от 18.12.2018 № 306-ЭС18-6807, по делу № А55-8181/2016 в котором судебная коллегия по экономическим спорам посчитала, что условия предварительного договора купли-продажи доли ООО, где потенциальный приобретатель передал денежные средства собственнику долей участия в ООО в качестве аванса, причем данная операция происходила именно в рамках предварительного договора, не содержат в себе оснований признать данный договор основным. Тем не менее первая кассация посчитала, что, в сущности, это не предварительный, а основной договор, исходя из того, что авансовые платежи не носят обеспечительный характер, следовательно, их можно расценивать как исполнение обязательств по основному договору, который де-факто был заключен, С данными выводами не согласился ВС РФ, посчитав обратное, также указав, что предварительный договор так или иначе направлен на потенциальное отчуждение доли в уставном капитале ООО, а значит, на данный объект оборота распространяется специальный правовой режим, что в итоге приводит к обязанности соблюдения специальной нормы п. 11 ст. 21 Закона об ООО. Другими словами, предварительный договор купли-продажи долей участия в уставном капитале ООО требует обязательного нотариального удостоверения, в противном случае такая сделка признается ничтожной². На сколько оправдана такая позиция — это большой вопрос, ведь «*actum de contrahendo*» подразумевает, что даже, в сущности, обязательства предварительного договора и обязательства основного — это хоть и взаимосвязанные, но все-таки по своей цели разнонаправленные явления. То есть в итоге получилось так, что договор, опосредующий потенциальное отчуждение долей участия в ООО, которое еще не факт, что

---

¹ Лебедев А.Д. Как предварительный договор купли-продажи доли в ООО стал сделкой, требующей обязательного нотариального удостоверения. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения 29.04.2019).

² См., например, Определение Верховного Суда РФ № 306-ЭС18-6807 по делу № А55-8181/2016 от 18 декабря 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 30.04.2019).

наступит, из-за идентичности предмета, необходимо нотариально удостоверить, несмотря на то, что обязательство направлено только на заключение договора. Но логика подсказывает автору, что нотариально удостоверить необходимо только основной договор, который непосредственно регулирует порядок отчуждения долей в уставном капитале ООО. Однако такой порядок существовал в России в обозримом прошлом, сейчас же все иначе.

То, что касается вопроса аванса и роли задатка в предварительном договоре, то сам же интерпретатор в своем новом Постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора» поставил точку в этом вопросе и признал, что только задаток имеет место быть в предварительном договоре, а аванс должен быть расценен в качестве основания переквалификации предварительного договора в основной¹. Стоит отметить, что данная правовая позиция появилась примерно через неделю после разрешения ВС РФ кейса по представленному казусу, следовательно, по субъективному мнению автора, подобные договоры в дальнейшем суды обязательно будут переквалифицировать с предварительного в основной. Хотя автор работы и относится к такой практике с неким скепсисом, в итоге, необходимо учесть, что в последующем структурирование сделок по отчуждению долей участия ООО требует обязательного нотариального удостоверения даже при использовании конструкции предварительного договора, как бы странно это не звучало в векторе реализации концепции «*practum de contrahendo*».

В данном параграфе были обозначены далеко не все варианты использования конструкции предварительного договора в современной корпоративной практике. Однако, освятив основные и наиболее популярные варианты структурирования сделок с акциями и долями посредством

---

¹ Постановление Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского Кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

предварительного договора, необходимо акцентировать внимание, на том, что представленный ранее вариант использования предварительного договора односторонне обязывающего характера, с первого взгляда имеет много общих черт с опционными конструкциями. И действительно, возникает вполне логичный вопрос, а есть ли практический смысл отказываться от предварительной конструкции в пользу опционов? Завершающий параграф исследования посвящается использованию опционных конструкций при структурировании сделок с акциями и долями участия в ООО, в котором будут обозначены основные тезисы проблематики и преимущества использования данных конструкций ввиду их набирающей популярности на рынке консалтинговых услуг.

3.2 Структурирование сделок с акциями и долями посредством использования опционных конструкций

На протяжении долгого времени гражданское законодательство России не предусматривало специального правового регулирования опционных договорных механизмов. Однако это совсем не означает, что отсутствие легального закрепления опционных конструкций тождественно отсутствию их использования в российской корпоративной практике. До 1 июня 2015 г. опционные конструкции применялись при структурировании сделок с акциями и долями участия в ООО не часто, однако такие прецеденты были, особенно если сопровождение сделки осуществлялось иностранными юридическими фирмами, которые, руководствуясь принципом свободы договора, изящно адаптировали опционные конструкции, применяемые в зарубежных правовых системах под российские правовые реалии. Опцион является продвинутой альтернативой предварительного договора в части закрепления, как отлагательного механизма, так и установления для одной стороны только обязанностей, а для другой только права востребовать исполнение. Однако в отличие от конструкции предварительного договора, опцион изначально по своей правовой природе создан для структурирования

именно таких сделок, где интерес контрагентов в отношении исполнения «центрального» обязательства может иметь долгосрочный характер, опосредованный так называемым секундарным правом.¹ В результате, российский законодатель воспринял идею необходимости легального закрепления опционной конструкции, теперь в ГК РФ появились две принципиально новые договорные конструкции — это опцион на заключение договора в рамках нормы ст. 429.2 ГК РФ и опционный договор, урегулированный нормой ст. 429.3 ГК РФ². Для того, чтобы обозначить основные тезисы касаясь применения данных конструкций при структурировании сделок с акциями и долями в уставном капитале ООО, необходимо осветить правовую сущность опциона в векторе отдельных воззрений на законодательные новеллы 2015 года, которые предусмотрели два хоть и схожих договорных механизма, однако не лишенных различий между собой.

Как отмечает А.Г. Карапетов новеллы, закрепившие на легальном уровне опционные конструкции в России, вызывают большой практический интерес. Предполагается, что опционные конструкции уже в ближайшем будущем станут основным правовым инструментом при структурировании сделок с акциями и долями участия в ООО, тем самым прогнозируется вытеснение предварительного договора с «олимпиа» главенствующей безальтернативной, а главное проверенной временем конструкции отчуждения акций и долей участия в хозяйственных обществах.³ Итак, суть опционных конструкций сводится к следующему, контрагенты закрепляют за одной из сторон секундарное право своим односторонним волеизъявлением инициировать реализацию обменной сделки (далее — активация), а за другой

---

¹ Карапетов А.Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России. С. 33-36.

² Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08 марта 2015 г. № 42-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

³ Карапетов А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения 27.04.2019).

— бремя ожидания и претерпевания этого произвольного волеизъявления управомоченной стороны¹. Существует два основных варианта реализации классической опционной конструкции. Например, при опционной конструкции по модели «put option» управомоченной стороной является потенциальный продавец, а претерпевающей — его приобретатель. В итоге, если продавец в пределах установленного опционом срока заявит о своем желании активировать опцион и продать имущество, то покупатель обязан его приобрести на ранее установленных условиях. Однако если рассматривать ситуацию от обратного, то есть в целях обеспечения превентивной защиты интересов покупателя тех же акций или долей участия в ООО, то стоит обратить внимание на конструкцию опциона по модели call option, в которой управомоченной стороной является покупатель, который в пределах установленного срока вправе активировать опцион, тем самым потребовав продать ему имущество на условиях, указанных в самом опционе.

Как отмечает Е.В. Глухов, вплоть до 1 июня 2015 г. опционные соглашения, заключаемые в отношении акций и долей участия в ООО российских компаний, на практике подчинялись российскому праву достаточно редко. Как правило, контрагенты опционных соглашений выбирали, иностранное, чаще всего английское право, однако после 1 июня 2015 г. легальное закрепление получили опционы и в ГК РФ, но стоит отметить, что конструкции российских опционов немного отличаются от западных правопорядков, по крайней мере в части наименования, а иногда и в некоторых функциональных аспектах².

Норма ст. 429.2 ГК РФ закрепила конструкцию опциона на заключение договора, суть которой заключается в том, что это договор, оформляющий предоставление безотзывной оферты на заключение в будущем любого гражданско-правового договора. В случае акцепта отраженной в опционе

---

¹ Карапетов А.Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России. С. 33-36.

² Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М.: Статут, С. 474.

оферты основной договор считается заключенным и далее отношения сторон регулируются его условиями¹. Важно отметить, что опцион на заключение договора далеко не тождественен договору об установлении преимущественного права на приобретение акций или долей участия в ООО, имеющим распространение в английском праве. Конструкция «right of first refusal» подразумевает, что собственник, например, акций может заключить договор, посредством которого контрагент может реализовать преимущественное право на приобретение этого пакета акций в случае возникновения в будущем у собственника желания их продать. Ключевое отличие такой конструкции от опционов состоит в том, что договор об установлении преимущественного права создает обязательство в будущем, когда появится желание у продавца, выставить оферту контрагенту по такому договору, что в свою очередь порождает у последнего секундарное право на ее акцепт, однако опционные конструкции в значительной мере отличаются от договорной конструкции «right of first refusal». Норма ст. 429.2 ГК РФ закрепила офертную модель опциона, суть которой сведена к наличию у одной из сторон права в течение времени, определенного опционным соглашением, акцептировать безотзывную оферту, которая выдается потенциальным продавцом в момент заключения опционного соглашения. То есть воля продавца на отчуждение акций или долей участия в ООО выражается моментом заключения опциона, однако воля его контрагента выражается посредством реализации секундарного права, другими словами воля на акцептирование безотзывной оферты может, выражена в любой момент времени на протяжении действия опционного соглашения. Тем более английская конструкция договора об установлении преимущественного права на приобретение имущества не подразумевает, что оферта продавца не является бессрочной. Следовательно, в случае «молчания» контрагента после получения оферты, через определенный срок

---

¹ Карапетов А.Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России. С. 33-36.

преимущественное считается исполненным, и продавец вправе произвести отчуждение имущества в пользу третьего лица. Это и есть главное отличие опционных конструкций от «right of first refusal».

Однако, благодаря инициативе Банка России, законодатель пошел дальше и закрепил на легальном уровне иную дополнительную опционную конструкцию. Норма ст. 429.3 ГК РФ предусматривает опционный договор, в силу которого одна из сторон обязуется исполнять свои обязательства при условии предъявления другой стороной требования. И именно в этот момент должна пройти некая логическая параллель с предварительным договором, односторонне обязывающего характера. Ведь в случае использования конструкции нормы ст. 429.2 ГК РФ, в которой предусмотрена офертная модель, то в этом случае сам опцион и является основной сделкой. Но ст. 429.3 ГК РФ не подразумевает никакой безотзывной оферты, а следовательно, опцион опосредует заключение основного договора. Как отмечает В.Э. Полякова: «любая опционная конструкция, в независимости от того, в английском или российском праве происходит процедура структурирования сделки, нейтрализует вариант заключения основного договора, как сугубо рудиментарного явления»¹. Исходя из этого, необходимо иначе рассматривать опционный договор в рамках нормы ст. 429.3 ГК РФ. Автор исследования акцентирует внимание, что момент востребования по конструкции опционного договора, являет собой альтернативный механизм активации опциона, по сравнению с опционом на заключение договора, в котором моментом активации опциона выступает акцепт безотзывной оферты. То есть ключевое отличие двух конструкций заключается в том, что опцион на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ) требует обязательного акцепта и только после этого возникает обязанность исполнить «центральное» обязательство по сделке. В свою очередь опционный договор (ст. 429.3 ГК РФ) обходит офертную модель, сразу

---

¹ Полякова В.Э. Предварительный договор в праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 32-37.

закрепляя востребование исполнения непосредственно по опциону. Как замечает А.Г. Карапетов, характеризуя практический аспект применения опционного договора в рамках нормы ст. 429.3 ГК РФ в момент востребования не возникает некий новый договор, а созревает основание для исполнения тех основных обязательств, которые входят в предмет опционного договора¹. Но тут, же логически созревает вопрос следующего содержания: какой практический смысл в наличии двух схожих опционных конструкций, ведь экономические последствия использования каждой из них по отдельности абсолютно идентичны?

Главное практическое значение дифференциации опционных конструкций, заложенной на легальном уровне в ГК РФ, заключается в наличии критерия автоматизма, который присущ конструкции опциона на заключения договора в рамках нормы ст. 429.2 ГК РФ. Автоматизм опциона является свойством, сущность которого раскрывается при реализации права на акцепт безотзывной оферты. Например, стороны структурировали сделку купли-продажи долей участия в ООО, посредством заключения опциона, по офертной модели call option (ст. 429.2 ГК РФ), при которой покупатель наделяется секундарным правом акцептировать безотзывную оферту, выданную продавцом при заключении опционного соглашения. В соответствии с нормой ст. 21 Закона об ООО, такая сделка требует обязательного нотариального удостоверения. Помимо этого, закон предусматривает ключевое положение, определяющее правила дальнейшего акцепта безотзывной оферты, выданной стороной, отчуждающей доли в уставном капитале ООО. Итак, в соответствии с нормами абз. 4 и абз. 5 п.11 ст. 21 Закона об ООО нотариус после удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, впоследствии удостоверяет такой акцепт. Следовательно, в момент совершения акцепта безотзывной оферты, участие продавца по сделке не требуется. Тем самым

---

¹ Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 ГК РФ. М.: Статут, 2017. С. 907.

обеспечивается автоматизм, суть которого сведена к эффективной защите интересов приобретателя долей участия в ООО. После нотариального удостоверения акцепта, нотариус обязан в течение двух рабочих дней со дня удостоверения акцепта направить offerentу извещение о состоявшемся акцепте. В итоге суть автоматизма сведена к тому, что недобросовестный контрагент, который взял на себя обязательства произвести отчуждение доли участия в ООО при условии наступления каких-либо объективных обстоятельств, де-юре уже выразил свою волю на стадии соглашения о заключении опциона по offerentной модели (ст. 429.2 ГК РФ), и в момент совершения акцепта, выданной им же безотзывной offerentты, правового инструментария уклониться от активации опциона у него не имеется¹. Однако существует вполне прогнозируемый вариант оспаривания совершения акцепта в судебном порядке, а также опцион на заключение договора может предусматривать механизм обратного опциона, суть которого заключается в превентивной защите добросовестного продавца от совершения акцепта безотзывной offerentты в случае, когда заложенное в договоре объективное условие для наступления возможности активации опциона не наступило, а нотариус был введен в заблуждение. По мнению автора исследования, любой конфликт между контрагентами в рамках опциона на заключение договора носит малопрогнозируемый характер, что в любом случае ведет к судебному разбирательству. Стоит также отметить, что опцион на заключение договора, равно, как и предварительный договор, зачастую предусматривает некое отлагательное условие, которое, по мнению Е.В. Глухова должно быть максимально простым для проверки его фактического наступления нотариусом². Стороны структурируя сделку, во избежание недоразумения, должны заранее, совместно с нотариусом, предусмотреть «способы доказывания» наступления объективных условий

---

¹ Ралько В.В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве // Нотариус. 2016. № 5. С. 38-44.

² Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. С. 476.

при которых активация опциона становится возможной, и нотариус без доли сомнения в соответствии с нормой абз. 6 п. 11 ст. 21 Закона об ООО проверит, а главное действительно удостоверится, что представленные акцептантом доказательства подтверждают наступление советуемого условия. Например, таким отлагательным условием может быть конкретный результат проверки бизнеса в рамках due diligence или результат аудиторской проверки, следовательно, необходимо именно на стадии заключения опциона по модели, предусмотренной нормой ст. 429.2 ГК РФ, установить, какой документ со всеми сопутствующим нюансами будет выступать в качестве объективного доказательства наступления возможности активации опциона, то есть применительно к представленной ситуации — это отчет due diligence либо аудиторское заключение, в которых будет содержаться та информация, которая является основанием для нотариального удостоверение акцепта безотзывной оферты. Е.В. Глухов также предупреждает, что пренебрежение простотой доказательств и использование откровенно субъективных для одной из сторон условий активации опциона на заключение договора, с великой долей вероятности приведет к утрате автоматизма¹. Другими словами, нотариус может отказать в удостоверении акцепта безотзывной оферты, если обнаружит неоднозначный противоречивый смысл в представленном доказательстве. В любом случае такая ситуация порождает конфликт, причем не между акцептантом и нотариусом, а между контрагентами по опциону на заключение договора, что естественно в итоге приведет к судебному разбирательству.

Стоит акцентировать внимание на том, что опционный договор, предусмотренный нормой ст. 429.3 ГК РФ не подразумевает в своем функционале автоматизма. Связано такое явление, прежде всего из-за отсутствия в ее сущности офертной модели как таковой. В любом случае активация опциона в рамках нормы ст. 429.3 ГК РФ, например по той же

---

¹ Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. С. 477.

модели call option, осуществляется при условии, что покупатель также с помощью нотариального удостоверения активирует опцион, только вся суть активации сведена не к нотариальному удостоверению акцепта безотзывной оферты, а к востребованию и непосредственному исполнению обязательства контрагента передать доли в уставном капитале ООО. То есть автоматизм утрачен по причине необходимости волеизъявления продавца в момент активации опционного договора, а следовательно, автоматический переход доли попросту невозможен, что потенциально может привести к уклонению продавца от исполнения своих обязательств по опционному договору.

Фундаментальное значение имеет момент перехода прав на доли в уставном капитале ООО при использовании опционных конструкций. Ранее в данном исследовании автор работы критически оценивал ситуацию, касаемо движения корпоративных прав при совершении сделок с долями участия в ООО. И действительно момент внесения записи о переходе права на доли в уставном капитале ООО занимает главенствующую роль при разрешении корпоративных споров в государственных арбитражных судах России. Такой подход, когда есть запись — значит, наличествует право (титул), несмотря на договорные отношения, в рамках которых, допустим, уже произведено исполнение своих обязательств покупателем, но продавец уклоняется от внесения записи о переходе права в ЕГРЮЛ, является реальной проблемой, которую в данный момент решает именно структурирование сделок с долями участия в ООО посредством использования опциона на заключение договора. Автоматизм, предусматриваемый офертной моделью опциона, купирует проблему такого разрыва между исполнением договорных обязательств и переходом права на доли в уставном капитале ООО. В соответствии с нормой абз.1 п. 1.4 ст. 9 Закона о государственной регистрации: «заявителем в ЕГРЮЛ о переходе права на долю в уставном капитале ООО является нотариус, удостоверивший советующую сделку». Конечно, можно возразить, что при наличии данной нормы, нотариус при удостоверении любой сделки, включая классическую куплю-продажу долей участия в ООО, обязан заявить

в ЕГРЮЛ о переходе права, однако стоит акцентировать внимание, что данные изменения вступили в силу только 01 января. 2016 года, следовательно, вопрос противоположимости применительно к сделкам, совершенным до внесения указанных изменений, обязывающих нотариуса вносить запись о переходе права в ЕГРЮЛ, остается открытым и еще на протяжении нескольких лет не потеряет своей актуальности¹. Однако автоматизм перехода права на долю участия в ООО при использовании конструкции опциона на заключения договора в значительной мере упрощает процедуру движения корпоративных прав, способствуя стабилизации оборота и самое главное создает реальный механизм превентивной защиты приобретателя долей в уставном капитале ООО.

Рассуждая об использовании опциона офертной модели (ст. 429.2 ГК РФ), необходимо обратить внимание, на сколько данная конструкция адаптирована для совершения сделок с акциями. Ввиду отсутствия обязательного нотариального удостоверения таких сделок, механизм активации опциона по идее должен осуществляться через регистратора либо депозитария. Важно отметить, что опцион на акции, заключаемый между контрагентами, нигде не фиксируется, в том числе и регистратором (депозитарием), в отличие от того же залога акций. Следовательно, отсутствие отметки в реестре акционеров о наличии опциона лишает его главного полезного свойства — автоматизма. Для того чтобы осуществить активацию опциона даже по офертной модели, необходимо распоряжение действующего акционера (продавца) по счету реестра акционеров и только при этом условии переход прав на акции будет осуществлен. Одним из вариантов обеспечения автоматизма для активации опциона на приобретение акций, является выдача нотариальной доверенности от акционера (продавца) в пользу контрагента по опциону на

---

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, предоставляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1811.

заключение договора. Однако данный вариант де-факто никак не гарантирует, что в момент активации опциона, акции не будут уже реализованы в пользу третьих лиц, следовательно, возникает реальная проблема, использования опционных конструкций применительно к отчуждению (приобретению) акций. Безусловно, корпоративная практика нашла выход из этой ситуации. Существует два практических механизма реализации автоматизма перехода прав на акции при использовании опциона на заключение договора. Как отмечает Ж.В. Томашевская, первый вариант решения данной проблемы, заключается в использовании опциона офертной модели посредством его активации через российскую небанковскую кредитную организацию «Национальный расчетный депозитарий», который осуществляет переход прав на акции в обмен на денежные средства покупателя с помощью механизма DVP (Delivery versus Payment)¹. В сущности, при активации опциона покупатель зачисляет денежные средства на счет DVP, причем операции по счету депо осуществляются от имени продавца покупателем по безотзывной доверенности, в результате механизм DVP обеспечивает обмен акций на денежные средства, внутри счета, выступая таким гарантом добросовестности контрагентов по сделке². Также во избежание недобросовестного распоряжение продавца по счету депо, на акции, поступившие на счет DVP, устанавливается залог³. По мнению автора, данный механизм крайне сложен и не является универсальным инструментом придания автоматизма опциону офертной модели, предметом которого выступают акции. Да и нужен ли автоматизм, когда акции уже находятся под залогом? Второй вариант активации опциона на заключение договора по отчуждению акций посредством автоматизма перехода прав, является

---

¹ Томашевская Ж.В. Опционы и опционные договоры в отношении акций или доли в ООО: три года, полет нормальный. [Электронный ресурс] URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения 23.04.2019).

² Климов Д.О. DVP в системах расчетов по ценным бумагам. // Информационно-аналитическое издание по вопросам инфраструктуры рынка ценных бумаг России и стран СНГ «Депозитариум». 2015. № 4. С. 8.

³ Murray T. CMI in Focus: Delivery versus Payment in Securities Settlement Systems. [Электронный ресурс]. URL: <https://thomasmurray.com> (дата обращения 01.05.2019).

использование новеллы российского гражданского законодательства, договора условного депонирования (эскроу), закрепленного ст. 926.1 ГК РФ. При структурировании сделки с участием в качестве посредника эскроу-агента, стороны помимо заключения опциона офертной модели, также заключают трехсторонний договор условного депонирования (эскроу) между, соответственно, контрагентами по опциону и регистратором. Тем самым автоматизм обеспечивается регистратором, который осуществляет операции по счету в реестре акций, одновременно являясь эскроу-агентом. При акцепте безотзывной оферты покупателем по опциону на заключение договора регистратор вносит приходную запись на лицевой счет покупателя, который одновременно является бенефициаром по договору условного депонирования. Данный механизм на практике показал свою эффективность, но опять же алгоритм оказался сугубо сложным и в случае наступления потенциальных проблем, прежде всего технического характера, достаточно затруднительно спрогнозировать варианты разрешения этой ситуации, в особенности, если одна из сторон сделки, осложненной конструкцией эскроу, совершит недобросовестные действия. Автор исследования приверженец идеи возвышения роли нотариата при заключении подобных сделок, причем необходимо отметить, что нотариально необходимо заверять не все опционные конструкции при совершении сделок с акциями, а только те, предметом которых выступает такой пакет акций, переход которого сопряжен с изменением корпоративного контроля в акционерном обществе.

Подводя обобщающие итоги исследования в рамках данной главы, нельзя не отметить ключевую составляющую практического характера, совершения сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ. Корпоративная практика современной России выработала такой механизм, при котором ровно также, как и предварительный договор, опционы уже давно обрели корпоративную направленность, суть которой заключается в интеграции представленных конструкций непосредственно в корпоративный договор. Идея такой модели структурирования бизнеса заключается в

превентивной защите сторон корпоративного договора, которая устанавливается с целью обеспечения стабильности внутрикорпоративных отношений и создания некоего объективного прогноза развития и разрешения возможного «тупика» в управлении корпорацией. Модель должна быть построена таким образом, что в случае наступления некоторых обстоятельств в виду невыполнения сторонами определенных условий корпоративного договора, происходит отчуждение пакета акций либо долей участия в ООО конкретному лицу¹. Например, одним из первых, кто применил на практике данную сложную правовую конструкцию структурирования сделок в России является ПАО «Роснано»². Важно отметить, что государственные арбитражные суды при разрешении корпоративных споров с участием данного юридического лица, выработали практику, по которой предварительный договор, односторонне обязывающего характера, интегрированный в качестве отдельного положения корпоративного договора, не был признан как самостоятельный предварительный договор, а исходя из этого, представленная конструкция не что иное, как условие корпоративного договора «в едином монолите». Следовательно, норма ст. 429 ГК РФ не применяется к такой правовой конструкции, тем самым практика де-факто утвердила существование «квэеопциона» в рамках корпоративного договора, ссылаясь на норму п.9 ст. 67.2 ГК РФ³. Исходя из этого, у автора исследования возникает мысль о том, что данное использование предварительного договора, вкупе с судебным толкованием, является таким размытием границ нетождественных правовых конструкций. Представленное явление полноценно отражает ситуацию, когда законодатель в векторе правового регулирования не успевает за развитием общественных

---

¹ Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. С. 493.

² Гермаев. А.Г. Акционерное соглашение подчиненное российскому праву. Какие подводные камни ждут акционеров.// Арбитражная практика. 2015. № 5. С. 71.

³ См., например, Определение ВС РФ № 305-ЭС17-12471 по делу № А40-42442/2016 от 19 сентября 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 03.05.2019).

отношений. Легальное закрепление корпоративного договора пришло в Россию в 2014 году, однако правового инструментария для использования модели структурирования бизнеса в рамках тогда еще новеллы п.9 ст. 67.2 ГК РФ не было предусмотрено законом. Следовательно, субъекты права, руководствуясь принципом свободы договора, начали формировать условия корпоративных договоров посредством, как предварительной конструкции, так и с помощью малоизвестного «опциона», который тогда еще не был закреплен на легальном уровне. В итоге столь сложная вариативность в структурировании сделок с акциями и долями в уставном капитале ООО, прежде всего, обуславливается внутрикорпоративными отношениями, а точнее превентивными мерами разрешения конфликтов с последующим выходом из тупика в корпоративном управлении, посредством интеграции правовых конструкций по отчуждению (приобретению) акций или долей участия в ООО непосредственно в «тело» корпоративного договора¹. Но возникает вопрос: на сколько удобно использовать механизм предварительного договора, который по своей правовой природе не адаптирован под сложное структурирование корпоративных сделок с акциями и долями участия в ООО? Автор исследования убежден, что предварительный договор — это прошлое в структурировании сделок, будущее, конечно же, за опционными конструкциями.

Кратко освятив предысторию использования предварительного договора, отметим, что опционные конструкции являются реальной альтернативой на рынке консалтинговых услуг, при выборе варианта структурирования сделок с акциями и долями в уставном капитале ООО. Автор работы прогнозирует, что опционные конструкции в ближайшее годы станут одним из основных договорных механизмов для приобретения (отчуждения) долей участия в ООО, однако, к сожалению, данный оптимистичный вывод не касается сделок с акциями, в которых контрагенты,

---

¹ Карапетов А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ.

с великой долей вероятности пока будут опасаться использовать опционные конструкции из-за усложненной системы обеспечения той самой гарантии защиты интересов покупателя, именуемой автоматизмом перехода прав на акции, посредством активации опциона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовое регулирование сделок с акциями и долями в хозяйственных обществах современной России до сих пор не отличается стабильностью. В векторе глобальной реформы гражданского права, в процессе закрепления на легальном уровне абсолютно новых договорных конструкций, законодатель не мог обойти стороной и оставить неразрешенными вопросы регулирования корпоративных отношений, возникающих при совершении сделок с акциями и долями. Хотя современная российская юридическая доктрина, в большинстве своем, убеждена в условности к подходу дифференциации частного права на гражданское (классическое) и коммерческое, стоит учесть, что содержание правоотношения, выражаемое в реальной цели совершения такой сделки, указывает на неоспоримое существование концепции дифференциации оборотов в рамках частного права. Безусловно, автор исследования ни в коем случае не готов полностью опровергнуть совокупность мнений некоторых представителей юридической науки, отстаивающих позицию безоговорочного существования только единой монистической концепции частного права. Однако нельзя не возразить, что путь на разделение оборотов в рамках российского частного права был задан еще в конце XX века. Автор исследования обращает внимание, что законодательство о защите прав потребителей подразумевает наличие специального правового режима, который формирует так называемый потребительский оборот, направленного на защиту прав более слабо защищенного субъекта правоотношения. Исходя из данной логики, выходит, что субъект предпринимательства является более сильной стороной сделки, по крайней мере в экономическом смысле. Обращая внимание на данное явление, автор исследования соглашается с позицией, представленной в диссертации М.Н. Илюшиной, которая отстаивает идею дифференциации частного права на гражданское (классическое), потребительское и коммерческое. Практический смысл деления оборотов обуславливается необходимостью формирования специального правопорядка в сфере

коммерческих отношений, которые не могут быть полностью урегулированы нормами гражданского законодательства. К примеру, оборот акций и долей, который уже давно на практике выходит за рамки классических договорных конструкций. Безусловно, их оборотоспособность не ограничивается только коммерческими правоотношениями, однако в большинстве своем, субъекты, проявляя свою волю на заключение подобных сделок, в первую очередь преследуют цель извлечь прибыль, посредством своего участия в корпорации. Стоит также отметить, что коммерческие сделки с акциями и долями, объективно преобладают в количественном соотношении по сравнению с некоммерческими в рамках общего оборота.

На протяжении всего исследования автор работы обозначил ряд проблем, которые, так или иначе, наглядно демонстрируют уникальность правового режима оборота акций и долей участия в ООО. Почему именно правовой режим? Исходя из фундаментального принципа частного права — свободы договора, правовой режим, как социально-правовое явление, сформировался таким образом, при котором российская практика структурирования сделок с акциями и долями использует договорные конструкции в изрядно деформированном виде, в отличие от их легального закрепления. Например, до 2015 года те же опционные конструкции были не известны ГК РФ. Именно правовой режим, коммерческой направленности является катализатором новелл, которые все чаще приводят к размышлениям о несостоятельности идеи единого правового регулирования.

Рассматривая правовую природу акций и долей, мы приходим к пониманию, что доктрина расходится во мнениях. И снова мы лицезрим попытки обосновать применение правил виндикации по отношению к вкладам в уставный капитал ООО, и снова прослеживаются идеи, которые ставят под сомнение обязательственную правовую природу ценной бумаги. Подобные доводы и теоретические воззрения наводят автора исследования на устойчивую мысль, заключающейся в отказе от подобных споров и перехода на принципиально новый уровень познания. Автор убежден, что

доли участия в ООО и акции обладают уникальной корпоративной природой, следовательно, они не могут быть ни вещью, ни классическим обязательством. Акции и доли — это самостоятельные объекты оборота, и сделки с ними должны подчиняться общим нормам гражданского законодательства вкупе со специальными правилами, которые в свою очередь могут применяться не только из-за наличия уникального объекта, но и в том случае, когда сделка с акциями и долями носит коммерческий характер.

Проведя анализ движения корпоративных прав, мы обнаружили, что при совершении любой сделки переход титула на акции и доли так же как и с объектами недвижимости подчинен принципу внесения, то есть переход права тождественен наличию переходной записи в реестре. Этот тот самый случай, когда для классического гражданского оборота все просто и понятно, а для коммерческого — создание «плацдарма» для недобросовестных действий контрагентов. Корпоративная природа акций и долей участия в ООО, в своей сущности несет ценность не номинальной стоимости доли уставного капитала, а именно содержит ценность корпоративных прав, закрепляемых этими объектами. Следовательно, проблема соотношения консенсуальных действий и момента перехода прав — реальная угроза для стабильности российского оборота. Коммерческая сделка — это сделка двух экономически сильных сторон, и принцип внесения к переходу прав на акции и доли, конечно же, должен применяться, но с учетом противопоставимости. Другими словами сторона, которая после совершения договора купли-продажи акций или долей, уклоняется от внесения переходной записи в соответствующей реестр, не должна иметь права в последующем ссылаться на отсутствие титула у своего контрагента. Очевидно, что судебная практика должна обратить внимание на эту проблему, и позволить добросовестной стороне оспаривать, например, сделки или внутрикорпоративные решения, принятые продавцом после совершения сделки по отчуждению, но до момента перехода права на акции и доли участия в хозяйственном обществе.

В итоге мы получили проблему, которую приходится разрешать уже в рамках корпоративной практики. Отсутствие вариантов по оспариванию действий недобросовестного контрагента, утратившего титул на акции и доли при заключении договора, но являющимся собственником исходя из записей реестра, привело к необходимости формирования превентивных средств защиты интересов сторон по подобным сделкам. Использование в практики предварительного договора и опционных конструкций стало крайне интересным и противоречивым правовым явлением. Именно правовой режим, который в итоге выражается в коммерческом обороте, адаптировал классический гражданско-правовой предварительный договор в нечто особенное. В разрез доктрине появляется такая договорная конструкция, как предварительный договор односторонне обязывающего характера. И действительно, с точки зрения гражданского оборота — это идет в противоречие с принципом справедливости. Однако гражданско-правовой договор и коммерческий договор — это сделки разных правовых режимов, следовательно, и правовое регулирование должно допускать и в данный момент допускает существование такой конструкции. Автор работы подчеркивает, что односторонне обязывающий предварительный договор является нормой для коммерческих сделок, а вот классический гражданский оборот должен избегать подобного, ибо гражданско-правовой принцип справедливости не тождественен балансу интересов, который является фундаментальной основой коммерческих отношений.

В свою очередь опционные конструкции стали этаким продолжением развития концепции превентивной защиты интересов контрагентов по сделкам с акциями и долями. Норма ст. 429.2 ГК РФ закрепила опцион на заключение договора, который подразумевает, так называемый, «автоматизм» перехода прав на акции и доли участия в ООО, что стало реальным решением проблемы применения «принципа внесения» вкупе с потенциальной недобросовестностью контрагента. И кажется, легальное закрепление опционных конструкций, лояльное отношение

правоприменителя к предварительному договору односторонне обязывающего характера и даже обязательное нотариальное удостоверение сделок с долями участия в ООО — есть решение проблемы. Но, к сожалению, это не так. Если законодатель, благодаря новеллам об обязательном нотариальном удостоверении сделок с долями в уставном капитале ООО, изящно разрешил проблему перехода прав на доли в рамках принципа внесения, то правовое регулирование движения корпоративных прав по акциям так и остается неразрешенной проблемой. Важно отметить, что опционные конструкции и предварительный договор односторонне обязывающего характера не обеспечивают, так называемый, «автоматизм» перехода прав при совершении сделки с акциями.

Автор исследования предлагает следующие пути решения данной проблемы: во-первых, необходимо установить обязательное правило нотариального удостоверения сделок с акциями, если речь идет об отчуждении блокирующего или контрольного пакета. Во-вторых, необходимо адаптировать конструкцию опциона по модели call option в рамках нормы ст. 429.2 ГК РФ применительно к сделкам с акциями. Для этого, стоит наделить депозитариев либо регистраторов правом выдавать опционный акцепт и производить автоматический переход прав в реестре в случае наступления объективных обстоятельств, предусмотренных опционом на заключение договора. Депозитарий и регистратор должны получить полномочия схожие с полномочиями нотариуса, касаясь вопроса сопровождения опционных сделок с акциями. В-третьих, существует объективная необходимость установления правила на легальном уровне обязательного обеспечения опциона, то есть доли участия и акции должны обязательно быть, например, предметом залога под опцион, что выступает такой гарантией, интересов контрагентов. С другой стороны, автор исследования осознает, что вопрос обеспечения опциона должен отдаваться на «откуп» сторонам сделки, ведь диспозитивность должна быть превыше всего, однако, даже с обязательным нотариальным удостоверением сделки с

акциями, без обеспечения обязательств по опциону, «автоматизм», так или иначе, не будет доступен сторонам сделки, следовательно, вопрос остается дискуссионным и однозначный ответ дать на него не представляется возможным.

В завершение данного исследования, необходимо внести краткую ремарку, касаемо движения корпоративных прав по сделкам с акциями и долями в хозяйственных обществах РФ. Современная Россия переживает время глобального реформирования всей частноправовой сферы, уже трудно отрицать, что без использования и заимствования договорных конструкций из того же английского права не обойтись. Однако необходимо осознавать, что появление, например, тех же опционных конструкций в ГК РФ связано не только с нуждами предпринимателей. Опционные конструкции в прогнозируемом будущем потеснят предварительный договор не только в векторе классических предпринимательских отношениях, а прежде всего в корпоративной сфере. Реформа ГК РФ, закрепив корпоративный договор, также отразила в нем возможность установления предварительного порядка отчуждения долей или акций сторон этого договора, в случае, например, разрешения тупика в управлении корпорацией.

Результаты данного исследования показывают, что предварительный договор односторонне обязывающего характера и опционные конструкции являются основой современной корпоративной практики по вопросу структурирования бизнеса в рамках превентивной защиты от возможных последствий непрогнозируемого внутрикорпоративного конфликта. Данный тезис еще один аргумент в пользу того, что сделки подчиняются разным оборотам из-за разницы целевой направленности. Следовательно, подобные конструкции требуют специального правового регулирования, которое крайне необходимо для соблюдения баланса интересов в коммерческих отношениях новой России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РАЗДЕЛ I НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ И ИНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ АКТЫ

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 25.12.1993. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 5. Ст. 410.
4. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
5. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
6. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
7. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3431.
8. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч). Ст. 3434.
9. Федеральный закон «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ // СЗ РФ. 2013. №27. ст. 3434.
10. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 11.
11. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании

утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 22 декабря 2014 г. № 432-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7543.

12. Приказ Минфина России «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов» от 28 марта 2014 г. № 84н // Российская газета. № 244. 2014.
13. Письмо Банка России «О разъяснении вопросов, касающихся предоставления информации держателем реестра владельцев ценных бумаг и депозитариями ценных бумаг» от 29 мая 2014 г. № 015-55-4/4158 // Вестник Банка России. 2014. № 5.
14. Постановление ФКЦБ РФ «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг» от 02 октября 1997 г. № 27 // Вестник ФКЦБ России . 1997. № 7 (акт утратил силу).

РАЗДЕЛ II ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С.С. Восхождение к праву: поиски и решения / С.С. Алексеев. М.: Норма, 2001. 608 с.
2. Алексеев, С.С. Проблемы теории государства и права: учебник / С.С. Алексеев, В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. М.: Юрид.лит, 1987. 448 с.
3. Андреева, Л.В. Коммерческое право: учебник / Л.В. Андреева. М.: КНОРУС, 2018. 278 с.
4. Афанасьева, Е.Г. Корпоративное право учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Е.Г. Афанасьева, И.С. Шиткина, Е.Б. Латус и др. М.: КНОРУС, 2015. 997 с.
5. Бевзенко, Р.С. Момент возникновения и перехода прав и модели регистрационной системы: принцип внесения vs принцип противопоставимости. [Электронный ресурс]. URL: <https://m-logos.ru/img> (дата обращения 03.03.2019).

6. Бевзенко, Р.С. Юристов нужно учить праву, а не законам. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pgplaw.ru/news/article/roman-bevzenko> (дата обращения 03.03.2019).
7. Бевзенко, Р.С. Новеллы законодательства о залоге долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сборник статей / Р.С. Бевзенко. М.: Статут, 2010. С. 147-152.
8. Бевзенко, Р.С. Истребование имущества, внесенного в уставной капитал юридического лица. / Р.С. Бевзенко. // Законодательство. 2004. № 12. С. 18-25.
9. Белов, В.А. Гражданское право особенная часть, относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. М.:Юрайт, 2019. 1085 с.
10. Белов, В.А. Гражданское право: особенная часть: учебник. / В.А. Белов. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. 767 с.
11. Бергманн, В. Закон об акционерных обществах Германии. Параллельные русский и немецкие тексты. Aktiengesetz. Paralleler russischer und deutscher text / В. Бергманн, Е.А. Дубовицкая, Т.Ф. Яковлева. М.: Волтерс Клувер, 2009. 440 с.
12. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2011. 847 с.
13. Бобков, С.А. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / С.А. Бобков. // Журнал российского права. 2002. №7 С. 22-29.
14. Булатецкий, Ю.Е. Коммерческое право: учебник для академического бакалавриата / Ю.Е. Булатецкий, И.М. Рассолов. М.: Юрайт, 2017. 448 с.
15. Витрянский, В.В. Договорное право. Общие положения. Кн.1. // М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2009. 848 с.

16. Гермаев, А.Г. Акционерное соглашение подчиненное российскому праву. Какие подводные камни ждут акционеров / А.Г.Гермаев // Арбитражная практика. 2015. № 5. С 71-75.
17. Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право: учебник для академического бакалавриата / И.В. Гетьман-Павлова 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 416 с.
18. Глухов, Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия / Е.В. Глухов. М.: Статут, 2017. 672 с.
19. Егоров, Ю.П. Правовой режим сделок как средство индивидуального регулирования / Ю.П. Егоров. // Цивилистическая практика. 2007. № 4. С. 124-127.
20. Зайцев, О.Р. Тезисы Олега Зайцева по государственной регистрации прав, к круглому столу института М-Логос, 04 февраля 2015 г. [Электронный ресурс] URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_Zaicev (дата обращения 04.04.2019).
21. Илюшина, М.Н. Сделки с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: учебное пособие / М.Н. Илюшина. М.:РПА Минюста России, 2015. 135 с.
22. Имадаева, М.С. Юридическая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. / Юридическая Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp> (дата обращения 10.02.2019).
23. Исаков, В.Б. Правовые режимы и их совершенствование, развитие теории права / В.Б. Исаков. // Межвузовский сборник научных трудов ин-т. 1982. С 35-39.
24. Карапетов А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения 27.04.2019).

25. Карапетов, А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям / А.Г. Карапетов, О.А. Беляева, Р.С. Бевзенко и др. 307-453 ГК РФ. М.: Статут, 2017. 1120 с.
26. Карапетов, А.Г. Предварительный договор: комментарий к новой редакции ст. 429 ГК РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения 27.04.2019).
27. Карапетов, А.Г. Принцип внесения, автономия воли и противопоставимость прав, ищем выход. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/blog>. (дата обращения 17.03.2019).
28. Карапетов, А.Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России / А.Г. Карапетов // Вестник ВАС РФ. 2009. № 12. С. 21-61.
29. Кашанина, Т.В. Корпоративное право: учебное пособие для академического бакалавриата. / Т.В. Кашанина. М.: Юрайт, 2017. 189 с.
30. Климов, Д.О. DVP в системах расчетов по ценным бумагам. / Д.О. Климов // Информационно-аналитическое издание по вопросам инфраструктуры рынка ценных бумаг России и стран СНГ «Депозитариум». 2015. № 4. С. 8-13.
31. Лебедев, А.Д. Как предварительный договор купли-продажи доли в ООО стал сделкой, требующей обязательного нотариального удостоверения. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения 29.04.2019).
32. Лоренц, Д.В. Виндикация вклада, внесенного в уставный капитал при создании корпорации (ООО). / Д.В. Лоренц. // Журнал российского права. 2016. № 4 С. 38-49.
33. Меньшин, П.А. Понятие и предмет предварительного договора: основные подходы теории и практики / П.А. Меньшин // Вестник ВАС РФ. 2011. № 1. С. 30-48.
34. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учебник 6-е издание / Л.А. Морозова. М.: ИНФРА-М, 2017. 464 с.

35. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 2005. 652 с.
36. Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность / И.Б. Новицкий. М.: Юридическая литература, 1954. 248 с.
37. Новоселова, Л.А. Преимущественное право покупки доли в обществе с ограниченной ответственностью / Л.А. Новоселова. // Хозяйство и право. 2010. №12. С 3-15.
38. Подузова, Е.Б. Предварительный договор как основание возникновения организационного правоотношения / Е.Б. Подузова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 10. С. 139-147.
39. Ралько, В.В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве / В.В. Ралько // Нотариус. 2016. № 5. С. 38-44.
40. Ратушный, М.В. Особенности правового регулирования договора купли-продажи акций: практический аспект / М.В. Ратушный // Имущественные отношения. 2017. № 9. С. 45-51.
41. Романец, Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография / Ю.В. Романец. М.: Норма, 2013. 496 с.
42. Савельев, Л.С. Должен ли приобретатель доказывать свою добросовестность. / Л.С. Савельев // Московский юрист. 2011. № 2. С. 14-17.
43. Суханов, Е.А. Российское гражданское право. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право: учебник / Е.А. Суханов. М.: Статут, 2016. 961 с.
44. Сухов, И. Отлагательное условие в предварительном договоре. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения 25.04.2019).
45. Скловский, К.И. Предварительный договор об аренде. Недействительность договора аренды и улучшения имущества / К.И. Скловский. // Закон. 2009. № 5. С. 215-223.

46. Тихомиров, Ю.А. Курс административного права и процесса / Ю.А. Тихомиров. М.: Юринформцентр, 2005. 1150 с.
47. Томашевская, Ж.В. Опционы и опционные договоры в отношении акций или доли в ООО: три года, полет нормальный. [Электронный ресурс] URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения 23.04.2019).
48. Туманский, Ю. Купля-продажа акций и долей в уставном капитале. Как оценить качество товара / Ю. Туманский // Юрист компании. 2010. № 12. С. 71-78.
49. Удод, Д.Д. Правовая природа доли в обществах с ограниченной ответственностью и порядок ее отчуждения в свете реформирования ГК РФ. Безопасность бизнеса, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://center-bereg.ru> (дата обращения 04.02.2019).
50. Чумакова, О.Н. Свобода договора и реализация сторонами собственного интереса в рамках исполнения предварительного договора / О.Н Чумакова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. Том 2. № 4. С. 24-33.
51. Шевченко, С. Переход долей общества с ограниченной ответственностью / С. Шевченко. // Законность. 2004. № 10. С. 11-13.
52. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. Т.2. Товар. Торговые сделки. / Г.Ф. Шершеневич. М.: Юрайт, 2017. 540 с.
53. Шиткина, И.С. Корпоративное право: учебный курс. В 2 т. Т 1 / И.С. Шиткина, Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, Д.В. Ломакин. М.: Статут, 2017. 976 с.
54. Adler, K. Realcontract und Vorvertrag / K. Adler. // Jena, 1892. № 5.
55. Berger, K.P. The Creeping Codification of the Lex Mercatoria. Alphen aan den Rijn //K.P. Berger. М.: Kluwer Law International, 2010. С. 233.
56. Murray, T. CMI in Focus: Delivery versus Payment in Securities Settlement Systems. [Электронный ресурс]. URL: <https://thomasmurray.com> (дата обращения 01.05.2019).

РАЗДЕЛ III ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ И МАТЕРИАЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

1. Постановление Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского Кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» от 25 декабря 2018 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
2. Постановление Пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
3. Постановление Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
4. Постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», от 29 апреля 2010 г. № 10/22 // Вестник ВАС РФ № 6. 2010.
5. Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» от 22 октября 1997 г. № 18 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 3.
6. Определение ВС РФ № 306-ЭС18-6807 по делу № А55-8181/2016 от 18 декабря 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 30.04.2019).
7. Определение ВС РФ № 305-ЭС17-12471 по делу № А40-42442/2016 от 19 сентября 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 03.05.2019).
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 02 сентября 2013 г. № 10728/12 по делу № А42-6788/2011 // Документ официально опубликован не был [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.04.2019).

9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа № Ф07-6654/2016 по делу № А42-8079/201 от 9 сентября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 22.04.2019).
10. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда № 10АП-1718/2016 по делу № А41-47591/15 от 9 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 22.04.2019).
11. Постановление Тринадцатого Арбитражного Апелляционного суда № 13АП-31589/2015 по делу № А56-50258/2015 от 4 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 25.04.2019).

РАЗДЕЛ IV ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

1. Илюшина, М.Н. Правовой режим сделок коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное: дис. ... док. юрид. наук / М.Н. Илюшина. Москва, 2012. 521 с.
2. Кремлева, О.К. Договор купли-продажи акций: дис ... канд. юрид. наук / О.К. Кремлева. Санкт-Петербург, 2004. 222 с.
3. Шанаурина, Ю.В. Институт предварительного договора в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Шанаурина. Екатеринбург, 2006. 165 с.
4. Полякова, В.Э. Предварительный договор в праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук / В.Э Полякова. Москва, 2015. 121 с.
5. Меньшин, П.А. Предварительный договор в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / П.А. Меньшин. Москва, 2011. 179 с.